

Александр Прост

СВИСТУЛЬКИН

ЛИМБУС ПРЕСС

16+

Александр Прост
Свистулькин

«Автор»

2021

Прост А.

Свистулькин / А. Прост — «Автор», 2021

Книга Александра Проста «Свистулькин» – блистательная мистификация, каких давно не знала отечественная литература. Тень злодейски убитого ветерана потёмкинских баталий то и дело является сильным мира сего в ключевые моменты русской истории. Роковая ночь в только что отстроенном Михайловском дворце, совет в Филях, покои Николая I в канун Декабрьского восстания, роковые моменты царствования Николая II, страшная зима 1942 года в осаждённом Ленинграде – везде обнаруживается призрачный след преданного защитника отечества Кузьмы Степановича Свистулькина. Он предупреждает, он направляет, он стремится отвести беду...

© Прост А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

НИИ Научного оккультизма	5
Александр Прост	6
Предисловие	7
1801	10
II	21
III	29
IV	41
V	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Прост Свистулькин

**НИИ Научного оккультизма
и спиритической физики**

Александр Прост СВИСТУЛЬКИН

**Очерки
спиритической
физики**

Предисловие

Книга в ваших руках – необычное издание для нашего института: на ее страницах нет графиков и формул. И все же мы без колебаний, с гордостью и радостью помогли ей увидеть свет.

Наша любимая наука пока еще ищет язык общения с широкой публикой, а найти такой язык жизненно необходимо. В самом деле, невозможно ожидать от всех подряд или хотя бы многих тонкого понимания, скажем, преобразований Лоренца, без чего уже невозможно разобраться в замысловатом и довольно необычном математическом аппарате спиритической физики. Для самого поверхностного знакомства с нашей спецификой даже профессиональному физику требуется известное время. Сложность изучения и несколько сенсационное (к счастью или к несчастью) внимание породили постыдное и грустное явление пугающего масштаба. На теле спиритической физики и научного оккультизма паразитируют многочисленные шарлатаны и аферисты, выдающие свои конъюнктурные фантазии за научные достижения.

К сожалению, читатель или зритель, который не проявлял специального интереса и формировал свои представления на основе публикаций средств массовой информации, с преобладающей вероятностью знаком именно с воззрениями шарлатанов. Настоящие ученые, увы, не слишком охотно контактируют с прессой и, что гораздо важнее, в эффективности сильно уступают проходимцам. Наша юная наука насчитывает отроду лишь три десятилетия, практические результаты, собственно, только и интересные публике – зачастую предмет самой бурной полемики. Методики и гипотезы, всего несколько лет назад общепринятые, нередко частично и даже полностью отвергаются. Достаточно вспомнить пересмотры множества спиритических контактов, причем некоторых неоднократно. Ученый вынужден начинать едва ли не каждую фразу словами вроде «можно предположить», «нельзя исключать», «очень вероятно», ему приходится углубляться в тонкости и противоречия – а у мошенника всегда наготове законченная теория, увлекательная и сенсационная.

Александр Симонович Прост знакомит с современным состоянием спиритической физики и научного оккультизма в форме, доступной самому широкому читателю, однако достоинства его работы далеко не ограничиваются просветительским значением.

Феномен постжизни¹, к которому обратился автор, – область спиритической физики, где кипят сейчас самые интенсивные и непримиримые дискуссии, настоящий фронтير стремительного проникновения в область нового знания, парадоксального и загадочного.

Феномен постжизни Свистулькина занимает совершенно особенное, исключительное место. Дело в том, что на сегодняшний день спиритологии известно, по разным оценкам, от тринадцати до тридцати четырех проявлений постжизни. МЦСФ (Манчестерский центр спиритической физики) насчитывает тридцать семь, но это мнение не пользуется широкой поддержкой в научной среде. При этом, опять-таки по разным оценкам, от пяти до четырнадцати известных случаев относят к Свистулькину, а из остальных феноменов лишь один проявил себя более чем однократно, да и то исключительно по оценке британских ученых из МЦСФ, которая не разделяется другими исследователями. По редкости любой феномен постжизни – явление уникальное, но Свистулькин уникален среди уникального.

Сделано немало попыток найти этому объяснение. По моему мнению, загадки тут много меньше, чем хотелось бы видеть романтически настроенным первокурсникам и профанам. Дело попросту в том, что спиритическая физика возникла в Санкт-Петербурге и, вполне естественно, на первых порах искала объекты для исследования на невских берегах, подле своей

---

¹ В научной среде принято использовать термин «феномен постжизни», а не «призрак» или «привидение».

колыбели. В последние годы – благодаря некоторому упрощению доступа к РПВ-анализу² и более широкому его использованию – ученые все чаще находят свидетельства неизвестных прежде проявлений постжизни. База исследований стремительно расширяется, но пока что именно феномен Свистулькина находится и в обозримом будущем останется в фокусе научного интереса.

Данная работа – обзор, в известном смысле справочник всего накопленного знания по данному вопросу, возможность для физика-спиритолога познакомиться с сегодняшними воззрениями исторической науки, историку – с последними данными спиритологии и РПВ-анализа, а непрофессиональному читателю – получить общее представление о достижениях и дискуссиях, кипящих среди ученых.

Авторы предисловий нечасто позволяют себе критику собственно книги. Я, однако, пользуясь правами старого товарища, который не скрывает глубокого уважения к научной работе Александра Симоновича, позволю себе выразить некоторое сомнение в верности избранной формы. Понятно желание привлечь к книге внимание широкого читателя. Больше того, такое внимание, как уже было сказано выше, – неотложная необходимость. И все же форма художественной реконструкции, которая используется для наиболее известных проявлений феномена постжизни Свистулькина, представляется спорной. Такой подход неизбежно требует произвольных и безосновательных допущений.

Трудно поддержать и отношение автора к дискуссии Овсепяна и Кувшинникова, пламенеющей сердцевине сегодняшних исследований постжизни. Борис Геннадьевич Кувшинников – один из основателей нашего института, а значит, и спиритической физики в целом; трудно переоценить его огромный вклад в науку, однако безоговорочная и почти всеобщая поддержка сотрудниками института позиции Кувшинникова кажется мне чрезмерной и даже, откровенно говоря, не лишенной ложно понятого и местечкового патриотизма. Работы в области физики постжизни строятся на столь скудном и спорном материале, что окончательная убежденность в чьей-то правоте выглядит сильно преждевременной. Очень возможно, неправ окажется не только Овсепян, но и Кувшинников или, говоря другими словами, оба окажутся правы, но частично. Это не умаляет ценности самой дискуссии или работы ученых, именно такая бескомпромиссная борьба мнений – лучший путь к установлению научной истины.

Книга А. С. Проста охватывает полтора века, но пристальнее всего автор вглядывается в царствование Николая II, период, вокруг которого сейчас кипят самые бурные страсти. В то же время несколько сжатое описание возможных проявлений между восстанием декабристов и началом царствования Николая II представляется известной слабостью. Далеко не все проблемы этих семидесяти лет можно считать окончательно разрешенными.

В любом случае книга А. С. Проста – большой шаг в правильном направлении. По моему глубочайшему убеждению, дальнейшее изучение постжизни все менее возможно без участия историков и лингвистов, также как давно стало очевидно, что без такой помощи адекватный анализ и расшифровка результатов спиритических контактов просто невозможны. В свою очередь, для истории и языкознания научный оккультизм открывает невероятные, просто фантастические перспективы.

Именно здесь, на стыке дисциплин, нас ожидают важнейшие открытия будущего. Надеюсь, совсем скоро начнутся публикации исключительного, не побоюсь громких слов, значения. Поясная бляха, найденная археологами на Куликовом поле, стала спиритическим якорем³, который позволил установить контакт с воином Серпуховского городского полка, павшим в сражении. Ученые нашего института в тесном сотрудничестве с лингвистами А. А. Гиппиусом

² РПВ (радиопоствительный) анализ – метод датировки проявлений постжизни по содержанию космогенных радиоактивных изотопов, а именно трития, натрия-22 и радия-226.

³ Спиритический якорь – предмет, через который устанавливается спиритический контакт.

и А. К. Поливановой, историком О. В. Двуреченским смогли поддержать спиритический контакт на протяжении шести сеансов продолжительностью от двадцати восьми минут до восьми с половиной часов. Без сомнения, эта работа станет важной вехой и для спиритологии, которой никогда еще не удавалось проникнуть так глубоко в прошлое, и для истории, и для лингвистики.

Мы вступаем в эпоху, когда всякий спиритолог обязан стать немного историком и лингвистом – и наоборот, историки и лингвисты должны стать слегка спиритологами.

Игорь Петрович Булдаков, директор Научно-исследовательского института научного оккультизма и спиритической физики, доктор физико-математических наук, действительный член Российской академии наук.

1801

I

Мир несправедлив. Известность делится в нем случайными и незаслуженными ломтями. По сей день петербургские экскурсоводы рассказывают про никогда не существовавший призрак императора Павла, обитающий якобы в Михайловском замке, на месте трагической кончины, о нем пишут развлекательные статьи и вспоминают в телевизионных передачах.

Миновало почти двадцать лет с тех пор, как первое в истории полномасштабное РПВ-исследование неоспоримо доказало, что феномен постжизни никогда не проявлял себя в Михайловском замке. Более того, в наше время ученые согласованно считают феномен постжизни привязанным не к конкретным зданиям, а к территориям. Мощность проявления феномена постжизни обратно пропорциональна квадрату расстояния от эпицентра возникновения. Таким образом, он может проявляться и восприниматься людьми на расстоянии нескольких километров от эпицентра.

Уже больше двух столетий громкая известность никогда не существовавшего призрака императора Павла опережает знакомство публики с феноменом постжизни Кузьмы Степановича Свистулькина. Последние годы, по мере взрывного развития спиритической физики, интерес к Свистулькину значительно вырос, но удовлетворяется чаще всего, увы, самым извращенным образом персонажами бесконечно далекими от научного знания. Ситуация отчасти повторяет середину XIX века, когда призрак Свистулькина стал почти фольклорным персонажем, зачастую уже и без всяких «почти».

Жизнь Кузьмы Степановича Свистулькина довольно обычна для дворянина второй половины восемнадцатого столетия. Этот храбрый офицер прослужил без малого четыре десятилетия, по большей части в блистательное царствование Екатерины Великой, эпоху многочисленных войн и громких побед, так что Кузьме Степановичу довелось сражаться и с турками, и с поляками, а при Павле – и с французами. Свистулькин раз за разом проявлял себя храбрым и дельным офицером, но карьере сделать не сумел. Для своего срока службы и возраста он находился в отчасти даже неприличном чине капитана. К тому было несколько причин.

Сам Кузьма Степанович в первую голову винил происхождение, хоть и благородное, но весьма скромное. Свистулькины – старинный дворянский (как сами они уверяли без особенных оснований) род из глухого вологодского угла. Происхождение от мифического дружинника Александра Невского Никиты Свистулы, видимо, не больше чем семейная легенда. Первый исторически достоверный Свистулькин появляется в записях Разрядного приказа только в правление Михаила Федоровича. Устойчивое словосочетание «небогатая дворянская семья» в случае Свистулькиных сильно преувеличивает достаток. Нищая и многодетная, едва различимая с собственными четырьмя крепостными, было бы куда точнее.

Происхождение – основание веское, но недостаточное. Разумеется, отсутствие влиятельных родственников и друзей еще никому в карьере не помогло, но можно составить длинный список генералов той эпохи, выходцев из самого скромного дворянства.

Еще одной причиной неудачной карьеры Кузьма Степанович называл свой гордый и ершистый нрав. «Я, сударь мой, подлости и лжи терпеть не стану, хоть бы и от самого...» – тут Свистулькин обыкновенно замолкал и только качал указательным пальцем, устремленным в небо. Ему хотелось сказать, что несправедливости он не потерпит даже от господ бога или государя, но это предполагало физическую возможность такой несправедливости, чего Свистулькин, человек православный и верноподданный, не мог допустить даже риторически. Действительно, Кузьма Степанович при общей добродушности нрава был совершенно негибок в вопросах долга и чести, что сильно вредило ему по службе.

Самую важную причину, которая с большим отрывом затмевала и происхождение, и неуступчивость, Свистулькин вряд ли бы упомянул. К сожалению, Кузьма Степанович испытывал пагубное пристрастие к горячительному. Само по себе обстоятельство незначительное и малозаметное в армейской среде, но в пьяном виде у него обострялась щепетильность к своей дворянской чести. Иначе говоря, чудились изощренные оскорбления в самом невинном поведении, что вело к скандалам, дракам и даже дуэлям. По крайней мере, нам достоверно известен случай, больше похожий на поединок, чем на пьяный мордобой. Словом, Свистулькин постоянно балансировал между повышением и разжалованием, если не каторжными работами.

Вышел Кузьма Степанович из службы самым печальным образом. Во время Швейцарской кампании потерял ступню и руку по локоть: отморозил при переходе через Альпы. И руки, и ноги он лишился левых. «Повезло, – шутил мужественный старик, – ненужное оттяпали».

По возвращении в Россию Кузьма Степанович провел два месяца в родовом имении, если уместно назвать так несколько покосившихся избышек. Старший брат давно умер, а племянники, угрюмые мужчины средних лет, не захотели терпеть едва знакомого калеку в своем тесном доме, полном детишек, чугунков, связок лука, нужды и тяжелого пьянства.

Кузьма Степанович, не до конца оправившийся от ранений, перебрался в уездный город. Иных средств к существованию, кроме пенсионного половинного жалования, у Свистулькина не было. Жить на это, соблюдая достоинство офицера и дворянина, было крайне затруднительно. Работать калека не мог. Одно из немногих доступных занятий – переписывание бумаг – исключалось ужасным почерком, да и, по правде сказать, малограмотностью капитана.

Как-то сразу вспомнилось, что после смерти отца за ним осталась половина той самой нищей деревушки, откуда его так бесцеремонно выставили. После нескольких неприятных бесед племянникам пришлось согласиться выкупить его долю. Таких денег при их скудном достатке в наличии, конечно, не имелось. Пришлось повторно заложить имение.

Сумма получилась скромная, хотя и казалась Свистулькину очень внушительной. Впрочем, даже он понимал, что при его легком нраве денег хватит ненадолго.

Кузьма Степанович отправился в Санкт-Петербург, вооруженный самым точным и неотложным планом. Офицер, отставленный по тяжкому боевому ранению, почти всегда получал производство в следующий чин (что автоматически повышало пенсию) и дополнительную единовременную выплату. Кроме того, при таком увечье офицер, отслуживший больше тридцати лет, как Свистулькин, уходил в отставку по высшей категории и имел право на пенсию в размере полного жалования. Кузьма Степанович доказывал, что потерял конечности на службе отечеству, в чем был полностью прав, конечно. Не шутки же ради он ночевал в снегу на швейцарском перевале. Однако тогда, как и сейчас, убедить в чем-то подобном государственную машину – настоящий подвиг, почище перехода через Альпы.

Одновременно Свистулькин добивался ордена Святого Георгия 4-й степени. Дело было глубоко безнадежным: в царствование Павла Георгием, учрежденным его матерью, не награждали, но Кузьма Степанович отчего-то считал, что для него сделают исключение. Свистулькина дважды представляли, но награждения он так и не получил. Несбывшиеся представления в счет, конечно, не шли, но орден давно полагался ему по выслуге лет, хотя существовали служебные взыскания, которые могли считаться препятствием. Кузьма Степанович разъяснял всем соглашавшимся слушать: «Сто рублей пенсионера при моих обстоятельствах лишними отнюдь не будут», – но в глубине души мечтал о кресте в петлице вполне бескорыстно, заранее предвкушая уважение, окружавшее георгиевских кавалеров.

Кузьма Степанович был немолод и сильно побит жизнью, отчего счастье представлял точно и довольно скромно. Окончательное блаженство требовало, прежде всего, собственного уютного домика в небольшом городе, желательно уездном, при доме непременно сад с яблонями и вишнями, кустами малины, крыжовника и смородины. Кроме того, для счастья требовалась жена, почему-то непременно вдова, добрая женщина и умелая кухарка. Кузьма Сте-

панович с подробностями мечтал о пирогах с визигой, луком, яйцом, вишнями и яблоками, рюмочке водки перед обильным ужином на веранде, дымящейся кастрюле со щами. Саму жену представлял очень смутно: только казалось отчего-то, что у нее непременно будут полные белые руки и заманчивая складочка на шее. Присутствовал в мечтах, совсем уже робких, сын, крепкий озорной мальчишка, которого он научит рыцарству, храбрости, верности и еще почему-то французскому языку и верховой езде, хотя в последних дисциплинах сам Кузьма Степанович не слишком блистал. А уж следом за семейными мечтами виднелся аккуратный мундир с Георгиевским крестом, который он наденет в праздничный день, и неторопливая прогулка через весь город в церковь – с поклонами, обстоятельными приветствиями, краткими обменами дружелюбными фразами.

Свистулькин никогда прежде не бывал в Петербурге – блистательный лоск столицы огненно поразил и покорила его. Он непрестанно восхищался всем подряд: широтой и прямизной проспектов, роскошью витрин, красотой дворцов, мощью Невы. «В Европе такого не сыщешь, и не ищи, – убеждал всех Кузьма Степанович, – нечего и сравнивать».

Представление о Европе у него полностью сформировалось за время суворовского похода: на марше и в осадах он видел десяток австрийских и итальянских городов. Честно сказать, патриотизм в наблюдениях несколько опережал факты.

«Взять хоть реки. Это ж не реки у них, а ручьи по нашему-то счету. Разве Дунай, – на этих словах Свистулькин кривился, словно откусил что-нибудь кислое, – да и тот пустяк против Невы, не говоря о Волге или Днепре. А кирхи их с нашими церквями нечего и сравнивать. Разве в Милане выстроена серьезного габариту, но и та в половину Петропавловки, а по красоте никакого сравнения».

Кузьма Степанович снял комнатуху на третьем, последнем тогда этаже доходного дома на углу Литейного и Невского проспекта⁴. Дополнительные два этажа надстроили много позже, в 1877.

Дом входил в необозримое наследство знаменитого вельможи елизаветинского и екатерининского царствования Адама Васильевича Олсуфьева. Законных и прямых наследников Олсуфьев не оставил, зато, находясь последний год жизни в изнуряющей болезни, написал несколько раздраженных завещаний, противоречащих и друг другу и законодательству.

Семнадцатый год вокруг колоссального состояния шла непримиримая борьба между незаконной дочерью, а теперь уже незаконными внуками и троюродными полуплемянниками. Во времена фавора Платона Зубова племянники почти одолели, уже составили высочайший рескрипт, уже ожидали царской подписи, но неожиданная кончина императрицы Екатерины Алексеевны разрушила приготовления.

Доброжелатели незаконных отпрысков едва не решили дело, играя на привычке Павла I поступать наперекор матери, но и тут что-то сорвалось в самую последнюю секунду. Многие тысячи страниц исходящих и входящих бумаг исписали красивым канцелярским почерком и сшили в десятки томов, прогибавших казенные полки. Несколько месяцев назад императору вновь доложили о запутанной тяжбе, и он вдруг мимоходом обронил, что было бы недурно изучить дело на предмет признания имущества вымороченным с обращением в доход казны. Обе стороны пришли в отчаянье, прибегли ко всем рычагам и были, кажется, даже близки к соглашению.

Достаток и тех и других совершенно истощили подношения, услуги стряпчих, взятки и пошлины. Уже и из будущего наследства разным полезным людишкам обещали немалые доли, столь щедрые, что неясно становилось, сколько останется самим наследникам и останется ли хоть что-то.

---

⁴ Современный адрес: Невский проспект, д. 74-76.

Пока шло разбирательство, за поместьями, особняками и доходными домами следили временно назначенные управляющие, пользовавшиеся, конечно, имуществом с необыкновенной для себя пользой. Дом на Невском тогда был доверен надворному советнику Альтбергу, поселившемуся тут же, на втором этаже. Непосредственными делами заправляла его супруга Шарлотта Францевна.

Крыша текла, лестница давно нуждалась в замене, фасад – в свежей штукатурке. По бумагам работы успешно проводились и даже не по разу, но когда-то респектабельный дом приходил во все больший упадок. Квартиру на третьем этаже передали в наем некой госпоже Бубновой, которую никто из жильцов никогда не видел, имея дело только с Шарлоттой Францевной, а после сдали частями – втрое примерно дороже. Цены тем не менее оставались необыкновенно привлекательными при общей столичной дороговизне.

Комната стала для Свистулькина настоящей находкой, удобной близостью к присутственным местам. Нужные канцелярии и департаменты располагались не дальше пешеходной прогулки, возможной даже для калеки.

Лифт еще не изобрели, карабкаться на последний этаж с его увечьем было непросто. Вдобавок перила приходились при подъеме под неудобную левую руку. Комнату пониже этажом Кузьма Степанович не мог себе позволить, добираться ежедневно с окраин тоже не получалось. Пешком он просто не дошел бы, а на самом дешевом извозчике выходило не по карману. За такие деньги можно было поселиться разве что в подвале дворового флигеля, но это Свистулькин считал уроном для дворянской чести. Пусть течет крыша, пусть он всякий раз выбивается из сил, забираясь на свой этаж по ненадежной лестнице. Пусть. Зато среди чистой публики.

Соседи по квартире пребывали в схожих жизненных обстоятельствах: держали оборону на последнем редуте пристойности. Свистулькин по живости и легкости характера быстро со всеми перезнакомился, а с некоторыми даже сошелся.

Две комнаты снимало многодетное семейство титулярного советника Петра Кузьмича Подколокольного, прежде служившего на превосходном месте в казенной палате, а теперь прозябавшего на ничтожной должности в Медицинской коллегии. «Пострадал за правду», – несколько туманно объяснял превратность судьбы Петр Кузьмич. Человек он был, говоря прямо, малоприятный: угрюмый, молчаливый, придиричивый. Его супруга Лукерья Поликарповна, уставшая женщина, пропахшая кухней, еще меньше подходила для товарищеского общения. Зато Свистулькин неожиданно сдружился с их младшим сыном Никитой – живым и любопытным мальчиком. Никита охотно помогал Кузьме Степановичу поднять воду или дрова, с благодарностью принимал гостинцы, но главное, любил зайти к нему долгим петербургским вечером, послушать про сражения и походы.

Пройдет совсем немного времени – и подпоручик Смоленского полка Никита Подколокольный вспомнит эти вечера перед своим первым сражением подле крепости, чье румынское название почти неодолимо для русского человека. Служить в том же полку, что и Кузьма Степанович, казалось ему чем-то важным и символичным.

Поручик Подколокольный получил тяжелое ранение под Салтановкой, но к Малоярославцу вернулся в строй, в заграничном походе отличился под Лейпцигом и вошел в Париж уже капитаном и георгиевским кавалером.

Подполковником сражался под Варной, а после командовал, и очень умело, полком на Кавказе. В отставку вышел генерал-майором пятидесяти трех лет. Впрочем, это дело далекого будущего, пока же Никита, приоткрыв рот от внимательности, слушал батальные повести Кузьмы Степановича – честно сказать, не всегда до конца точные.

Воспоминания об этих днях, полные теплоты и нежности к старшему другу, содержатся в письме Подколокольного из лабзинского архива – ценнейшего собрания свидетельств о жизни и постжизни Свистулькина.

Еще одну комнату снимала старая дева тридцати трех лет Ульяна Августовна Шпомер, жившая уроками фортепьяно. Отец ее, Август Карлович, хоть и происходил из природных лифляндских немцев, судя по многому, сильно обрусел. Он занимал не особенно высокую, но необыкновенно заманчивую должность из тех, что вызывают всеобщую уверенность в бесчестности сами по себе, без конкретных оснований.

Семейство Шпомеров в те счастливые, давно миновавшие дни занимало очаровательный дом на берегу Фонтанки. Выезд, прислуга, парижские наряды, гости, в доме не смолкало веселье. Ульяна Августовна была третьей, младшей дочерью, ее баловали даже сильнее старших, которых уже успели выдать замуж, и очень удачно. Старшую Прасковью – за красавца ротмистра древнего рода, едва ли не Рюриковича. Среднюю Алевтину – за коллежского асессора, в котором все признавали глубочайший ум и прочили блистательное будущее. Часто стал бывать в доме еще один ротмистр, тоже самого достойного происхождения, вдобавок отличный танцор, одевавшийся с большим изяществом. Главные слова еще не прозвучали, но дело продвигалось вполне определенно. Ротмистр бывал почти каждый вечер и называл Августа Карловича и его супругу папенькой и маменькой. Обсудили уже и венчание, пока внутрисемейно, по-домашнему. Ульяна Августовна хотела успеть до Троицы, но родители думали об Успении, да и то не вполне уверенно, склоняясь больше к Покрову.

Гром, молния и буря обрушились на мирное семейство, в считанные дни разметав уютный очаг. Экспедиция свидетельства счетов затеяла в ведомстве Августа Карловича изыскание на предмет злоупотреблений. Проверка носила не обычный дружеский характер, а, напротив, самый дотошный, въедливый и грозный. В трагический августовский день Августа Карловича вызвали в Экспедицию, где грозный и хмурый генерал потребовал истолковать суммы, указывая строчки в лежащих перед ним бумагах. Объяснений почти не слушал, а только двигал дальше, все сильнее повышая голос с каждой следующей цифрой. Дело пошло на крик, кулак несколько раз опустился на столешницу, промелькнули словечки: «Сибирь», «каторга», «сгною». Несчастный Август Карлович неожиданно встал во весь рост, оправил вицмундир и хотел что-то сказать, но вместо этого замертво рухнул на персидский ковер генерала, подаренный к юбилею службы подчиненными и сослуживцами.

Точные обстоятельства досадного происшествия едва ли можно установить по прошествии двух столетий. Все сходились, что злоупотребления в самом деле имели место, в подтверждение высчитывали расходы Августа Карловича на столь широкую жизнь, сравнивали с доходами, не забыв и наградные. В самом деле, несоответствие выходило очень заметное.

Причины несчастья называли самые разные, и все очень убедительные. Одни говорили, будто бы высокопоставленный вельможа, начальник и покровитель Августа Карловича, повздорил с другим высокопоставленным вельможей из-за важного назначения (даже называли конкретно Тамбовское наместничество), и вся ревизия – подкоп и интрига, нацеленная против покровителя. Другие, и не менее убедительно – что Август Карлович проявил чувствительность институтки, совершенно неожиданную для возраста и положения, будто бы контролер просто нагонял, как водится, ужаса, но не с целью уничтожить, а желая увеличить сговорчивость. Дескать, ничего Августу Карловичу не грозило, кроме некоторых, пусть и крупных, расходов.

Так или иначе, после кончины несчастного чиновника расследование как-то само собой сошло на нет.

Супруг средней сестры, получивший недавно за особые заслуги надворного советника, взялся разбирать дела усопшего. К его удивлению, не только богатства, но даже внушительного достатка Август Карлович не оставил. Имелся лишь незначительный вклад в сохранной кассе да мыза на родине покойника, из самых ничтожных, к тому же заложенная. Обратились даже в Сенат с просьбой о чрезвычайной помощи для неимущей вдовы и семейства.

Скептики были возмущены:

«Невозможно! – горячились они. – Решительно невозможно! Уж сотню-другую тыщенок оставил наверняка. Сейчас отплатят, вышибут из казны деньги на вспоможение, а там, глядишь, доходные дома появятся и деревеньки под Воронежем».

Скептики ошиблись: не было ни вспоможения, ни сотен тысяч, ни деревенок. После продажи мызы и выплаты долгов от наследства остались такие пустяки, что надворный советник, хоть и присвоил почти все, но остался глубоко разочарован.

Очень скоро Ульяна Августовна вместе с матушкой очутилась в комнатухе на последнем этаже запущенного доходного дома. От всего бывшего процветания уцелели несколько сотен рублей ассигнациями, немного столового серебра и фортепьяно хорошей венской работы. Ценнейшая вещь для того времени. Здоровье матушки совершенно расстроилось под двойным ударом бедности и вдовства. Кавалеристский жених бесследно растворился в петербургском сумраке.

Обращение за помощью к родственникам принесло немного. Зять-ротмистр успел прокутить приданое – так же, как до того расправился с собственным наследством, со службы пришлось уволиться после неприятной истории с полковой кассой. Супруги с двумя детьми жили теперь в тульском имении родственников мужа. Номинально бывший ротмистр помогал управлять расстроеным поместьем, а по сути, жил нахлебником. Выскородное семейство распространило на них неохотную щедрость, избегая скандала и пятна на фамильной репутации. Сколько-нибудь существенно помочь сестра и ее непутевый супруг не могли.

Надворный советник охотно делился советами и житейской мудростью, но денег не давал ни копейки. Его запуганной жене удавалось иногда утаить для них какую-нибудь мелочь из хозяйственных сумм, но этого было, конечно, совершенно недостаточно.

Ульяна Августовна, к ее чести, не отчаялась и взялась за уроки фортепьяно и языков: французского и древнегреческого. Со временем сложилась устойчивая клиентура, передававшая терпеливого педагога знакомым. Года через два она смогла отказаться от языков и сосредоточилась на фортепьяно, что оплачивалось получше. Трудолюбие и бережливость позволяли держаться приличной бедности, не впадая в нищету. Через несколько лет скончалась матушка, даже после смерти сохранившая на лице выражение удивленной обиды, которое не покидало ее все эти годы. Ульяна Августовна никогда бы в этом не призналась даже себе, но эта смерть существенно облегчила для нее тяжесть жизненных невзгод: и материальных, сократив расходы, и моральных – матушка непрерывно сетовала на бедность, ворчала и требовала удобств, недоступных при их доходах, отказывалась принимать реальность и обижалась.

Кузьма Степанович быстро сдружился с соседкой. Ульяну Августовну привлек неунывающий нрав капитана, она с интересом выслушивала его увлекательные рассказы. Правда, печальный жизненный опыт сильно подточил романтическую девичью доверчивость, и Ульяна Августовна иной раз не могла сдержать легкой улыбки, когда Свистулькин чересчур расправлял паруса фантазии.

Кузьме Степановичу соседка казалась образцом аристократической утонченности. Он чрезвычайно ценил их дружбу, в особенности возможность поупражняться во французском.

Свою слабость к этому языку Свистулькин объяснял целой историей, достоверность которой остается на его совести. Великий Суворов, по уверениям Кузьмы Степановича, лично знал его и ценил за смелость и умение ладить с солдатами. Известна была полководцу и слабость Свистулькина к горячительному.

В конце 1791 года случилась неприятная история: ссора в офицерском собрании, даже драка, после – гауптвахта. Отозвали производство в секунд-майоры, к которому представили за доблесть в Мачинском деле. По выходе с гауптвахты его немедленно отвели к Суворову.

– Ну что же ты, Кузьма? – укоризненно спросил будущий генералиссимус.

– Так скучно, Александр Васильевич, – ответил Свистулькин, пряча глаза.

– Так делом займись, Кузьма. Праздность – мать всех пороков. Учиться тебе нужно. Будешь приходить ко мне ежедневно к девяти, после построения.

Свистулькин начал посещать занятия у Суворова, где офицеров учили тактике, стратегии, фортификации, а среди прочего и французскому. Иногда Александр Васильевич сам выступал в качестве педагога – честно сказать, не самого успешного из-за нетерпеливого нрава и чрезмерного темперамента. Знанием, полученным из рук кумира, Кузьма Степанович гордился до крайности. Конечно, знал язык Свистулькин едва-едва, понимал с пятого на десятое и почти не говорил, но любил все равно чрезвычайно.

Нередко Кузьма Степанович посещал Ульяну Августовну с вечерним визитом. Он обязательно приносил с собой гостинец: баранки, бутылочку мадеры (к чему хозяйка относилась не вполне одобрительно), а чаще всего пакетик с тремя-четырьмя золотниками чая. Свистулькин быстро узнал, что со времен процветания Ульяны Августовны сохранила пристрастие к дорогому и экзотическому напитку. Соседи самым милым образом проводили вечер, немного болтали по-французски, причем Шпомер старалась говорить помедленнее и подбирала слова попроще, Кузьма Степанович рассказывал свои неисчерпаемые истории, она играла ему на фортепьяно и даже немного учила играть самого – насколько это, конечно, возможно для однокорюго. Слух у него, кстати сказать, был безукоризненный.

Ульяна Августовна, судя по всему, успела составить на Кузьму Степановича известные планы, да и он не без удовольствия посматривал на ее округлости, когда она отходила, скажем, к буфету за чашками или усаживалась за инструмент.

Одиннадцатого марта 1801 года выдался чудесный, совсем весенний день. Настроение у Кузьмы Степановича было превосходное. Он посетил утром товарища⁵ столоначальника, служившего в армейской экспедиции, который совершенно его обнадежил на предмет пенсии. На радостях Свистулькин прикончил за обедом давно припасенную чекушку, после чего решил сбегать в трактир купца Еремеева за еще одной бутылочкой.

Трактир располагался на Грязной улице, нынешней улице Марата. Перед Свистулькиным по Невскому фланировали два офицера Измайловского полка, беседовавшие по-французски. Шли они неторопливо, так что Кузьма Степанович без труда подобрался поближе, привлеченный звуками любимого языка. Первое время он не совсем понимал, о чем речь. Тиран, какие-то мартовские иды. Затем молодые люди обсудили некоторые начинания императора. Французского офицерам не хватило, в дело пошли некоторые русские слова. Свистулькин поморщился. Он и сам в глубине души считал многие затеи Павла дуростью, но никуда не годится дворянину и офицеру прикладывать помазанника божьего непотребными словами. И тут один из молодых людей сказал: «Ничего, всего три дня – и мы, даст бог, избавим Россию от курносого недоумка».

Кузьма Степанович остолбенел, осознав услышанное. Первым порывом было накинуться на изменников и лично их арестовать. Он даже ускорил шаг, догоняя заговорщиков, но оступился на своей деревянной ноге и едва не упал. Только тут Свистулькин сообразил, что пожилой калека может не одолеть двоих молодых крепких мужчин. А если убьют? Жуткая тайна не будет раскрыта, государь и Отечество останутся в страшной опасности. Пусть даже не убьют: все-таки смертельная схватка посреди дня на главном проспекте столицы – это слишком причудливо даже для таких чрезвычайных обстоятельств, пусть попросту сбегут, пусть даже один. Тогда заговорщики будут предупреждены. Нет, так рисковать Свистулькин не мог. «Если бы не проклятое несчастье, – думал Кузьма Степанович, – в старые времена уж я бы их!»

Откровенно говоря, Кузьма Степанович себя переоценивал. Все-таки далеко за пятьдесят – по меркам своего времени совершеннейший старик. Плюс тяжелая жизнь, проведенная в походах и сражениях, старые раны, увлечение алкоголем, медицина восемнадцатого столетия.

---

⁵ Заместителя.

Скажем прямо, даже с рукой и ногой у него не было шансов. А если уже совсем честно, то и в молодости, в самом расцвете, он едва ли одолел бы двух сильных и рослых мужчин.

Свистулькин, предаваясь пустым сожалениям, давно миновал Грязную улицу. Подле забора строящегося нового здания Знаменской церкви офицеров ожидали сани. Заговорщики расселись по экипажам, еще раз раскланялись и разъехались в разные стороны.

Кузьма Степанович напоследок внимательно рассмотрел преступников, сани и лошадей. Взял извозчика. Редкая расточительность при его финансах! Еще и не торговался. Он торопился в тайную экспедицию Сената – политический сыск тогдашней России. Свистулькина, конечно, корбило при одной мысли о доносе – поступке, недостойном дворянина и офицера, но делать нечего. Долг и присяга.

На входе в Сенат Кузьма Степанович встретил неожиданное препятствие. Парадную дверь охраняли богатыри-кавалергарды – сверкали начищенные кирасы. Выслушав Свистулькина, один из молодцев ухмыльнулся в огромные, чудесно подкрученные усы, второй и вовсе не удержался от смешка.

– Проспать б вам, ваше благородие, – нахально заявил богатырь с волшебными усами.

Кавалергардов можно понять. Кузьма Степанович выскочил из дома как был – в затрапезном. Поверх ветхой и затертой сорочки накинута заношенная епанча неопределенного цвета от старого, еще потемкинского мундира. У Свистулькина была форма нового образца, очень пристойная, с двумя-тремя невыводимыми пятнами на белом сукне шинели и совсем незаметной дырочкой, прожженной на правом рукаве кафтана, но ее он сберегал для утренних походов в канцелярии. Кузьма Степанович был не особенно выбрит. Сложно справиться со щетиной, орудуя копеечной бритвой перед тусклым зеркальцем, имея в распоряжении одну только руку. Позволить же себе цирюльника даже через два дня на третий он не мог. Вдобавок, и это важнее всего, от Кузьмы Степановича пахло водкой.

Очень скоро Свистулькин отчаялся прорваться и опять на извозчике двинулся прямо в Михайловский замок. Все повторилось. Караульные гвардейцы Семеновского полка встретили Кузьму Степановича недоверчиво, даже позволили отчетливые насмешки. Здесь уж Свистулькин решил идти до конца. Разговор пошел энергичный, и чем дальше, тем больше. Дело дошло до того, что геройского капитана, кавалера ордена Святого Владимира 4-й степени с бантом, которого сам Румянцев расцеловал под Кагулом в обе щеки и обозвал сукиным сыном, ветерана шести кампаний и пятнадцати сражений, не считая малых стычек, толкнули ружьем в грудь. Свистулькин отлетел на несколько шагов и сел в лужу. В самом прямом смысле. От унижения, обиды и бессилия он едва не заплакал.

Привлеченный шумом скандала, к караулу подошел дежурный офицер поручик Савельев. Он недовольно и даже агрессивно спросил у Свистулькина, зачем тот безобразничает. Кузьма Степанович, с большим трудом поднявшись, начал горячо объяснять. Савельев при первых же словах смягчился, попросил не продолжать при нижних чинах, завел в караулку и даже помог отряхнуться, привести себя в порядок после падения.

Наедине Савельев крайне участливо и внимательно уточнил подробности: как выглядели офицеры? что за мундиры? кому Кузьма Степанович успел рассказать? кем вообще Свистулькин занят в столице? где и с кем живет?

Савельев, завершив расспросы, попросил Кузьму Степанович быть дома, никуда не выходить и ни в коем случае никому не рассказывать о заговоре.

– Человек вы военный, должны понимать, – доверительно сказал он.

Поручик усадил Свистулькина на извозчика, сунул вознице несколько монет и велел гнать.

К несчастью, Савельев участвовал в заговоре. Он немедленно известил своего полкового командира и соучастника Депрерадовича. Уже через час у графа Петра Алексеевича Палена,

петербургского губернатора и одного из организаторов заговора, собралось десятка полтора офицеров, непрерывно подъезжали новые.

Опасность была очевидна. Сразу перенесли арест (на словах планировался арест) Павла на ближайшую ночь и погрузились в детали. Неожиданно разговор сбился на выяснение личностей неосторожных офицеров, разгласивших секрет. Поручик Измайловского полка Волховский категорически и без всяких оснований заявил, что никто из измайловцев такого допустить не мог ни при каких обстоятельствах. С ним начали довольно невежливо спорить. Все были напуганы и взволнованы, вдобавок вино разливалось слишком обильно.

Граф Пален ударил ладонью по столу.

– Довольно, господа. Из разбитого яйца не вылупится цыпленок. Сделанного не воротишь. Непозволительно тратить драгоценное время на бесплодные дразги, в то время, когда вся Россия ждет от нас решительности и натиска.

Наступившую тишину прервал чей-то нерешительный голос:

– А как быть с тем старикашкой?

Повисла тишина. Все превосходно понимали необходимость и неизбежность решительной меры. Живой Кузьма Степанович мог погубить их каждую секунду. Раскрытие заговора означало каторгу, и это еще в самом лучшем случае.

Но кто согласится на такую мерзость? Одно дело лихой заговор, арест или даже убийство императора. Тут и удаль, и опасность, и величие, и историческое свершение. А вот хладнокровно прикончить старика-инвалида, виновного только в верности присяге – это совсем-совсем другое.

Заговорщики прятали глаза, разглядывали что-то на потолке и по углам.

– Я позабочусь об этом, – раздался вдруг звонкий голос. По комнате пронесся вздох облегчения.

Совсем юный поручик Конногвардейского полка Иван Никифорович Верескин, взявший на себя неблагодарное бремя, не был популярен; больше того, на него смотрели косо, считая, что с таким происхождением нечего делать в гвардии.

Отец молодого человека, мещанин то ли чувашского, то ли мордовского происхождения, сумел сделать большую карьеру на государственной службе. Такое случалось, хотя и исключительно редко. Он выслужил большие чины по таможенному ведомству, а заодно скопил значительное состояние. Отец и сын объясняли богатство наградным имением, пожалованным щедрой Екатериной Великой, ну и умелым хозяйствованием – какой-то там был необыкновенный завод, производивший пеньку для флота.

Сослуживец младшего Верескина, носивший княжеский титул, как-то позволил себе шутку о веревках, казнокрадах и виселице. Немедленно состоялся вызов на дуэль – дело чудом обошлось без больших неприятностей. С тех пор с молодым человеком в полку уже не шутили, но за глаза прозвали коробейником.

К заговору поручик примкнул со всем пылом, надеясь стать наконец своим. Приняли его неохотно, а если бы знали, как отказать, то не приняли бы вовсе. То же стремление войти в круг высшей аристократии подтолкнуло его согласиться на убийство. Это была ошибка, и самая глупая. Услугу приняли с облегчением, но мнение сделалось окончательным. Спустя несколько часов общее суждение выразит штабс-капитан Измайловского полка Скарятин: «Нелепо ожидать от коробейника понимания чести».

Кто-то должен делать грязную работу, вывозить, скажем, нечистоты из выгребных ям, но эта необходимость совершенно не подталкивает гвардейских офицеров в дружбе с золотарями.

В ранних весенних сумерках поручик поднялся по скрипучей и шаткой лестнице на последний этаж. Запахи дрянной еды, гнили и отхожих мест складывались в сложную симфонию вони, Верескин даже прижал к лицу надушенный платок, защищая нежное обоняние.

Краска отставала от стен, пучилась огромными пузырями. Когда-то добротный паркет, давно не знавший мастики, производил при каждом движении громкие и резкие звуки, как ни старался поручик ступать полегче. Чем ближе он подходил к цели, тем сильнее шаги тонули в фортепьянной музыке: Ульяна Августовна давала последний сегодняшний урок. Поручик с трудом узнал чудовищно исполненную увертюру к «Орфею и Эвридике».

Верескин распахнул дверь. Соседский Никита несся на своей лошадке сквозь поле битвы, рубил деревянной сабелькой турок. Он отвлекся от игры, оглянулся на звук открывшейся двери и успел увидеть, как она затворилась.

Поручик исправился и попробовал вторую дверь справа. Заперто. Он постучал.

Кузьма Степанович за прошедшие часы отчасти остыл после невероятного происшествия и стал задумываться о перемене собственной судьбы. Свистулькин воображал, как его позовут к императору.

Ему представлялся зал самых неправдоподобных размеров: гигантские окна в три человеческих роста, золотая лепнина, мрамор, драгоценные вазы, толпа, сплошь состоящая из фельдмаршалов и ослепительных красавиц. Блистательное общество расступается, пропуская к нему императора. В фантазии Свистулькина Павел очень походил на Суворова, такой же маленький и стремительный.

– Кузьма Степанович, – скажет самодержец, – ваша преданность заслуживает высшей награды. Заслуга столь значительна, что мы затрудняемся определить надлежащее вознаграждение. Извольте назначить сами.

Свистулькин вытянется во фронт и ответит с достоинством:

– Ваше Величество, я только исполнял долг всякого благородного человека и не заслужил награды. Впрочем, если бы государю было бы угодно обратить свое монаршее внимание на мои недостаточные обстоятельства, это составило бы счастье моей жизни. Я, изволите видеть, одержим ранами и не в силах сыскать средства к существованию по причинам несчастного своего увечья. Решение же моего в некотором смысле пенсионера подвергается, прошу простить мою дерзость, проволочкам, вызывая в известном роде нужду и лишения.

Император немедленно сделает самое строгое внушение эдакому важному генералу. Свистулькин получит, конечно, сразу же и пенсию, и крест, а сверх того еще и подарки. Он очень точно представлял, какие именно: золотую табакерку с монаршим портретом и сельцо в Вологодской губернии. Подле его родных мест несколько лет назад отписали в казну ухоженное имение: бездетная владелица отказала в наследстве единственной родне, двоюродному племяннику – разозлилась на шалопая за необдуманную женитьбу, а простить не успела. Свистулькин, разумеется, просить бы не стал, но по загадочной причине был убежден, что император откуда-то про имение узнает и наградит.

Кузьма Степанович уже видел себя уважаемым человеком с достатком, обласканным высочайшей милостью. Сладостная фантазия текла дальше. Обеспеченному мужчине в зрелых годах очень подходит жениться. «А ведь при таких обстоятельствах можно рассчитывать на более авантажную невесту в сравнении с Ульяной Августовной, – пришло вдруг в голову Свистулькину. – Бесприданница, и происхождения не самого безупречного...»

Кузьме Степановичу стало неуютно и даже немного гадко. Конечно, всю его жизнь браки заключались почти исключительно в подобном духе, но нынешний случай казался ему особенным. Он, не предвидя будущего успеха и процветания, оказывал барышне знаки внимания, зародил, может быть, некоторые надежды, вызвал, вполне определенно, душевное родство – и что теперь? Отвергнуть, все забыть, едва ухватив фортуна? «Нет, – категорически решил Свистулькин, – я не какой-нибудь прохвост, а благородный человек, и подлости к невинной девушке никогда себе не позволю».

Свистулькин сел на кровать, прислушался к звукам фортепьяно и задумался: допустимо ли зайти после урока в гости к соседке, не нарушит ли тем приказа? У него очень кстати был

припасен сверточек чая, упакованный приказчиком с большим изяществом. Кузьма Степанович старался придумать, как бы ловчее выстроить беседу, чтобы указать на серьезность своих планов, но сделать это совершенно незаметно. У него складывался понемногу замысел будущей речи – выходило ужасно затейливо и совершенно непонятно, чего сам он нисколько не замечал.

В дверь постучали – на пороге стоял поручик. Кузьма Степанович недовольно отметил, что офицер прибыл в одиночестве, вдобавок, хоть и конногвардеец, но юнец. «Впрочем, – решил он, – надо думать, переполох ужасный, послали первого, кто пришелся под руку».

– Вас немедленно требуют, – заговорил поручик, – собирайтесь.

– Хорошо-с.

Юноша зашел в комнату, прикрыл за собой дверь. Свистулькин на всякий случай подготовился заранее и переоделся в лучшее из скудного гардероба. Оставалось обуться – не так просто для однорукого, – надеть кафтан и шинель. Как только Кузьма Степанович повернулся, Верескин выхватил кинжал и ударил в спину. В этот момент Свистулькин тянулся за сапогом – удар пришелся в левый бок. Поручик, правда, никуда особенно не целил. Пырнуть живого человека оказалось куда сложнее, чем представлялось, и убийца действовал в некотором оцепенении, словно управлял собственным телом со стороны.

По светлому палевому сукну камзола сразу расплылось быстро растущее кровавое пятно. Свистулькин инстинктивно дернулся вперед, оставляя клинок в руках у Верескина. Красная струйка выплеснулась на манжет поручика.

Кузьма Степанович развернулся. Не меньше секунды убийца и жертва смотрели друг на друга в ошарашенности. Старый солдат первым пришел в себя и ударил костью. Пришлось очень ловко: прямо по лицу. Верескин пошатнулся от удара и почувствовал, как рот наполняется кровью и осколками зубов.

– Вы что же это, сударь? – очень спокойно спросил Свистулькин и ударил снова, справа налево. – Ведь подлость! В спину!

Свистулькин ударил еще раз. Он собрался, и удар получился такой силы, что попади кость в голову – убийца едва ли удержался бы на ногах. Однако взрывы боли уже вывели поручика из оцепенения, и он успел отклониться. Кость просвистела перед лицом и потеряла скорость на излете дуги. Верескин схватил деревяшку левой рукой, шагнул вперед и пырнул. Потом еще и еще. Очень скоро дело было кончено. Свистулькин лежал на полу, продолжая сжимать кость. Он громко и отчетливо икнул и умер. Всё: стены, кровать, стол, самого поручика – покрывали брызги крови. Убийца откинул кинжал и бросился вон.

Как ни удивительно, шум схватки остался незамеченным. Утром следующего дня Ульяна Августовна решила проведать соседа, справиться, здоров ли. Она успела привыкнуть к Кузьме Степановичу и была обеспокоена его исчезновением почти на двое суток. К тому же ее распирал слух, доставленный молочницей вместе с обычным товаром, хотелось обсудить, стоит ли верить известию о гибели императора.

Она постучалась – никто не ответил. Дверь чуть шелохнулась, и Ульяна Августовна увидела, что она не только не заперта, но даже не до конца затворена.

– Кузьма Степанович! – неуверенно позвала Шпомер.

Снова постучала, немного постояла и, не дождавшись ответа, опять окликнула. Наконец Ульяна Августовна решилась и медленно открыла дверь, продолжая звать Кузьму Степановича.

От открывшегося зрелища она широко распахнула рот, ловя воздух, потом сделала три шага назад, уперлась в запертую дверь Подколокольных и только тут закричала каким-то странным захлебывающимся звуком, постепенно набирая громкость, словно брала разбег.

II

На крики Шпомер сбежались соседи, напряженно сопя, поднялась надворная советница Альтберг. Когда эта тучная немолодая женщина увидела тело и брызги запекшейся крови – тяжелое дыхание осеклось, ей сделалось дурно.

Позвали будочника, который почти сразу двинулся к олсуфьевскому дому, послав только мальчишку за квартальным. Квартальный надзиратель отправил квартального поручика за приставом, а сам в сопровождении старшего поручика и нескольких будочников прибыл к месту преступления.

Вскоре подъехал частный пристав, с ним унтер-офицер и шестеро драгун. Зачем нужны драгуны, пристав и сам не сумел бы объяснить, решился кто-нибудь его спросить. Мало ли что. Строго говоря, его должность в тот момент называлась частным инспектором, но это новшество, как и многие другие затеи Павла I, не успело прижиться и вскоре будет отменено новым императором.

Комнату Свистулькина, коридор, лестницу заполняли мужчины в форме. Они переминались, кашляли в кулак, почесывали под париками, поправляли шпаги, со значением обменивались негромкими фразами, выходили во двор и вновь поднимались на этаж, но решительно ничего не делали полезного или разумного.

Убийство для тогдашнего Петербурга – событие исключительное, всего пять-шесть случаев в год. Убивали из ревности, в пьяных драках, по благородному – на еще нечастых в то время поединках. Подобное же преступление представляло ювелирную редкость. Жертва дворянин, убит, судя по всему, злодейски – по заведомому умыслу. Таких убийств немного видели даже самые опытные чиновники полицейской службы.

Собрались на месте преступления мужчины сплошь солидные и зрелые, совсем не склонные к легкомыслию и опасной болтовне; многие прибыли из дома, не успев завершить семейный завтрак. Однако, странное дело, все без исключения знали о случившемся цареубийстве, иногда в самых мелких подробностях – довольно, правда, фантастических.

Связь между убийствами старого капитана и Павла казалась почти несомненной, а в подобное дело влезать никому не хотелось. Что такое в глазах великих мира сего, к примеру сказать, частный пристав, назови его даже инспектором? Ветошь, пустяк, соринка. В секунду погубят, порвут, словно рисовую бумагу, сомнут в комок, швырнут в печь, да позабудут прежде, чем догоришь. Опытные служаки превосходно понимали, что самым лучшим будет стараться изо всех сил, но ничего не делать.

Возле дома остановился скромный экипаж, из которого ловко выскочил крепкий мужчина постарше и двое совсем молодых. Драгуны возле парадной двери молодцевато приняли строевые позы.

Александр Андреевичу Аплечееву, санкт-петербургскому обер-полицмейстеру, шел только тридцать третий год – что, впрочем, не было чем-то чрезвычайным даже для должностей еще более высоких. За год до того Никита Панин в неполные двадцать девять получил чин вице-канцлера, а после смерти Павла некоторое время руководил внешней политикой империи.

Обер-полицмейстер приехал прямо с присяги в Зимнем дворце. Когда он собрался уезжать и подошел к губернатору откланяться, тот задержал его, выделив из высокопоставленной толпы, старавшейся хоть на секунду прильнуть к Петру Алексеевичу. Граф Пален и в прежнее царствование обладал огромным влиянием, а в наступившем казался ступицей, вокруг которой станет обращаться империя.

Граф увлек Александра Андреевича в сторону, держа под руку. В высокопоставленной толпе переглянулись, и Аплечеев почти физически ощутил рост собственного служебного веса.

– Александр Андреевич, – сказал Пален, – что за ужасное преступление.

Обер-полицмейстер изумленно покосился на губернатора, не зная, что сказать. Его еще не известили об убийстве Свистулькина, и он понял графа превратно. Аплечеев попытался совместить обстоятельства гибели Павла со словами губернатора – и не сумел. Уже издан манифест о кончине императора от апоплексического удара, уже весь Петербург пересказывает подробности ночного убийства и называет Палена вдохновителем заговора. Чего же хотят от него? Не разыскивать же заговорщиков, в самом деле. Многие из них как раз тут и находились, выделяясь помятыми после бурной и пьяной ночи физиономиями. Важничали, на поклоны едва отвечали кивками.

Неужто решено повернуть дело и признать убийство? Покарать каких-нибудь случайных бедолаг?.. Мысль эта неприятно задела Аплечеева: меньше всего на свете ему хотелось заняться чем-то подобным. Впрочем, он почти сразу же сообразил: даже если и так, расследования царубийств не подведомственны, конечно, полиции. Что тогда?

– Жестокое и дерзкое убийство беззащитного старика не должно остаться безнаказанным. Тем паче в такой трагический день, когда публика без того встревожена.

Старика? Покойному императору шел сорок седьмой год – граф Пален десятью годами старше. Беззащитного?

– Петр Алексеевич, простите, не вполне вас понимаю. О чем, собственно, вы изволите говорить?

– Ах, Александр Андреевич, вам не доложили?

Пален кратко пояснил, о каком именно убийстве идет речь, и негромко продолжил самым доверительным тоном:

– Сами видите: столица волнуется, чувства возбуждены сверх всякой возможности. Очень вас прошу, займитесь этим досадным происшествием со всей вашей энергией и проницательностью. Докладывайте незамедлительно. Рассчитываю на вас чрезвычайно.

Александр Андреевич вбежал на этаж, следом трусили двое юных помощников. На лестнице он дважды останавливался и внимательно рассматривал через лупу пятна засохшей крови. Следующие ржавые пятна на стенах, ступенях и дверях лестницы и коридора Аплечеев уже только отмечал и оглядывал на ходу быстрым и цепким взглядом.

Подчиненные обер-полицмейстера побаивались и уважали за решительную энергию и острый ум. Александр Андреевич отправил квартального и пристава искать свидетелей, драгунам приказал не допускать любопытствующих, а прочим – удалиться к местам службы. Обер-полицмейстер молниеносными распоряжениями выгнал всех из комнаты, оставшись со своими помощниками. Почти мгновенно нашли оружие убийства. Кинжал выглядел старинным, дорогим и необычным. Александр Андреевич внимательно осмотрел покрытое запекшейся кровью оружие. На рукояти из сплетенных золоченых змеек нашлась небольшая кнопка, он нажал, и два клинка отошли в стороны от центрального, образовав трезубец.

– Костенька, – подозвал Аплечеев одного из помощников, – бери эту диковинку и немедленно к Драйеру, он держит лавку...

– На Екатерининском? Подле Каменного моста?

– Молодец, точно так. Покажи ему, узнай, не проходило ли через него. Да скажи, что я спрашиваю, – Аплечеев выговорил «я», словно подчеркнул. – Коли нет, двигай к Митрофанову на Невский, если и там нет, то к Апфельбаху на Фонтанку.

– Всех знаю, – кивнул молодой человек.

– Всем непременно укажи, что Я спрашиваю. Как выяснишь, сразу в канцелярию и жди меня. Впрочем, нет. Обойди-ка ты, братец, всех троих, кто бы что ни сказал. Лишним не станет. Да, и вот еще. Заверни, братец, прежде кинжал как-нибудь, хоть в газету, незачем народ пугать. И без того...

Александр Андреевич завершил осмотр и удобно устроился в квартире Альтбергов. Бледные хозяева были очень напуганы, не столько убийством, сколько угрозой разоблачения плутней с квартирами. Аплечеев их выгнал и лично опросил свидетелей.

Ульяна Августовна от шока отвечала неясно, Александр Андреевич скорее утешил ее, чем допросил, под конец слушал немного рассеянно: стало понятно, что ничего полезного Шпомер не добавит. На Литейном остановился конный конвой и солидный экипаж, запряженный превосходной парой, с лакеями на запятках. Из коляски тяжело выбрался очень тучный Павел Яковлевич Беркасов – полицмейстер этой части города. Александр Андреевич, увидев его из окна, скривился, словно попробовал что-то кислое: он терпеть не мог подчиненного за глупость, подлость и вороватость, но избавиться не удавалось. Высокие покровители.

– Явился... – недовольно пробормотал Аплечеев.

– Что, простите? – недоуменно спросила Ульяна Августовна.

– Ничего. Спасибо, ваше сообщение необыкновенно полезно. Не смею задерживать.

Ульяна Августовна поднялась, оправила юбки и замерла в нерешительной позе. Вставший Аплечеев ожидал ее ухода, ничем не выдавая нетерпения.

– Вы ведь найдете убийцу? – тихо спросила она.

– Что? Да, да, непременно. Прошу просить. Следующего давай!

В комнату пустили мальчика со взрослым мужчиной мещанского вида – отцом, если судить по внешнему сходству. Мужчина нервничал и непрерывно вытирал руки о передник.

– Ваше благородие, не погуби! – с порога взмолился он. – Ведь дурачок, дитя неразумное, сам не знает, что плетет! Не слушайте вы его!

– Друг мой, – ласково сказал Александр Андреевич, – совершенно напрасно опасаетесь. Если ваш сынок точно и честно расскажет все, что видел, нечего бояться. Больше того. Знаешь, кто я?

– Откуда нам.

В комнату, тяжело пыхтя, вкатился Беркасов.

– Прибыл, Александр Андреевич.

– Позже, Павел Яковлевич, позже, – поморщился Аплечеев.

– Как звать? – обратился он к лавочнику.

– Белкины мы, – угрюмо ответил мужчина.

– Чем промышляешь?

– Лавка у нас, мучная.

– Павел Яковлевич, вот что, позовите-ка мне пристава, тьфу... – Александр Андреевич покрутил рукой в воздухе в поисках нужного слова, – инспектора. А сами езжайте уже, мы тут сами.

– Будкевич, – обратился Аплечеев к вошедшему приставу, – это Белкин, мой большой друг, здешний лавочник. Не обижать.

– Как можно, ваше превосходительство. Мы никогда...

– Хорошо, хорошо, ступай.

Выглянувшее солнце кольнуло глаза Александр Андреевича, он прикрылся ладонью, встал из-за тяжелого обеденного стола, подошел к мальчику, мявшему в руках картуз, и приобнял его за плечи.

– Давайте-ка присядем, молодой человек.

С этими словами он увлек мальчика к дивану, небольшому, но очень солидной наружности. Жилище Альтбергов вообще было обставлено с известной претензией.

– Как вас звать, юноша? – очень любезно спросил обер-полицмейстер, когда они устроились.

– Васька, – довольно хмуро ответил мальчик, пряча глаза, чтобы не встретиться взглядом с отцом.

– Вот вам, Василий, на баранки, – Аплечеев сунул мальчику в ладонь полтину. – Расскажите-ка мне поподробнее, что именно тут приключилось, и ничего не бойтесь. Я вас в обиду не дам, обещаю.

Александр Андреевич бросил мимолетный взгляд на помощника, оставшегося сидеть за обеденным столом, и сделал ничтожное движение мизинцем. Юноша ответил таким же едва заметным кивком и придвинулся к аккуратно расставленным походным письменным принадлежностям и тетради.

– Чего там, – пробурчал Василий, – прибыли, значит, вдвоем. Денщик с лошадьми остался, офицер внутри зашел, потом вышел, да уехали. А я гляжу, у офицера штаны все кровью заляпаны.

– Во что одеты были?

– Известно, мундирно.

– Каких цветов?

– Так зеленый, – Мальчик недоуменно посмотрел на Александра Андреевича и пожал плечами. – Потемнее, хвардейский.

Это уже было что-то.

– А кафтанов не разглядел?

– Офицер, когда вертался, шинель свернул и в руках нес. Красный кафтан был. Следовательно, вицмундир либо конногвардейский, либо кавалергардский.

– А пуговицы?

Мальчик молча пожал плечами.

– Серебряные или золотые?

– Золотые, – уверенно сказал Василий.

Выходило, конногвардеец.

– Прибор какого цвета? – Александр Андреевич решил убедиться.

Мальчик посмотрел на него с молчаливым изумлением.

– Ну, обшлага, лацканы, – Аплечеев сопровождал слова похлопыванием по соответствующим деталям собственного мундира. – Черные, синие?

– Черные.

Тут уже получался кавалергард.

– Что за лошади? – Александр Андреевич решил подойти с другой стороны.

– Кони добрые, самой чистой крови. Таких поискать.

– Масти какой?

Постепенно Аплечеев выжал из мальчика описание. Убийца, скорее всего, кавалергард – лошадь денщика, возможно, позволит определить даже эскадрон.

«Положим, я прав, – думал Александр Андреевич, – тогда в эскадроне два корнета, два поручика, штабс-ротмистр и ротмистр. Полковника отложим пока в сторону. Сыскать немудрено. Даже если заблуждаюсь, эскадрона только три, прибавим полковых адъютантов, выйдет человек двадцать. Пусть конногвардейцы, едва ли, но допустим. Пять эскадронов, еще тридцать душ. На круг пускай шестьдесят. Ах да! Юнкера! Того выйдет десятков восемь, с полковниками пусть девяносто, сотни точно не наберется. Сложнее, но возможно. Есть лошади, денщик: лицо круглое, оспой порченное. Сыщу».

Дойдя в размышлениях до этой точки, Аплечеев погрузился. Он увлекся решением загадки, как увлекаются головоломкой, и совсем выпустил из виду заранее очевидное. Никого ему сыскать не дадут. Убивают, обыкновенно, из корысти или ревности – покойник же стар и беден, убит в один день с императором и до крайности любопытен самому графу Палену. Убит офицером гвардии, которая и вела все дело этой ночью. Не бывает на свете таких совпадений.

Аплечеев щедро наградил мальчика с отцом и отправился домой к графу Палену. Сани подпрыгивали на брусчатке Невского, кое-где вышедшей из-под снега. Александр Андреевич

разглядывал главный проспект империи: чистой публики было определенно много больше обыкновенного.

Двое господ солидного вида и возраста с легкими штрихами вольнодумства в нарядах радостно обнялись на тротуаре. Аплечеев решил, что настроение у чистой публики самое праздничное, но тут же остановил себя. Они вполне могли оказаться, скажем, давно не видевшимися старыми друзьями. Александр Андреевич стремился сохранять трезвость и взвешенность, избегать преждевременных суждений о всяком, пусть самом незначительном предмете. Но всего несколько минут спустя он увидел еще одну сценку того же рода. Приходилось признать непристойное ликование, охватившее столичное дворянство.

Навстречу проехало ландо с молодым человеком в самом невероятном фраке, какой только можно представить, с гигантским отложным воротником. Стоячий воротничок рубашки касался полей круглой шляпы. И такие фраки, и стоячие воротнички, и круглые шляпы строгой воспрещались покойным императором, видевшим в парижской моде революционный дух. К вечеру похолодало, и молодой человек явно мерз, демонстрируя Петербургу оригинальный склад ума. Простоватое лицо франта несло сложное выражение. С одной стороны, моднику хотелось показать обыденность и безразличие, дескать, благородный человек нарядился по своему вкусу, нечего обсуждать, с другой – не мог сдержать ликования и гордости: смотрите, смотрите, каков я, как смел и элегантен! Ехал он с фореитором, что также воспрещалось.

Прошло только несколько часов нового царствования, а улицы уже заполнились нарушениями павловских постановлений: на каждом шагу попадались круглые шляпы, сапоги с отворотами, туфли с лентами, длинные панталоны. Александр Андреевич был поражен – сколько, оказывается, заводили тряпья, чтобы хранить в сундуках безо всякой возможности носить публично. Молодой человек, шедший по Невскому, приветствовал всех без исключения встречных прохожих, выглядевших людьми благородными. Он каждый раз поднимал круглую шляпу, открывая прическу а-ля Тит, также воспрещенную.

Аплечеев неодобрительно относился к монаршей требовательности по части нарядов. Не только из личных соображений, хотя по долгу службы ему приходилось заниматься глупой и неблагодарной борьбой. Александр Андреевич, человек практический, далекий от символизма и отвлеченных размышлений, резонно считал, что с должным усердием можно добиться многого. Например, в самом деле сделать из фасона шляпы политику.

К слову, в целом Аплечеев скорее симпатизировал начинаниям Павла, принадлежа к незначительному меньшинству среди элиты. Александр Андреевич полагал строгость необходимой после вольницы царствования Екатерины, в особенности последних лет, когда стареющая императрица не могла уже править с былым усердием. Павел Петрович, конечно, перегибал палку и часто не мог сдержать своего вздорного характера, но одновременно, во многом благодаря личному прилежанию и организованности, сильно преуспел в наведении порядка. Мнение Аплечеева было до того непопулярно, что он не решался высказываться вслух, опасаясь выглядеть лицемером и подлизой, если не олухом, что того хуже.

Экипаж остановился на Мойке, возле Полицейского моста. Александр Андреевич быстрым шагом почти вбежал в дом Чичерина, где квартировал в то время Пален; на ходу он двигал плечами, разминая затекшую спину. Аплечеева ждали, его сразу же провели в знакомую залу перед кабинетом губернатора и попросили обождать. Лакей скрылся внутри кабинета. Из-за закрытой двери донеслись приглушенные голоса, Александр Андреевич прислушался, но не сумел различить ни слов, ни даже кто говорит. Он нетерпеливо прошелся по зале, заставленной множеством предметов: оттоманки, кресла, секретер, столики. Мебели для комнаты было многовато, ее явно перенесли сюда из помещения попросторнее. Вещи добротной, даже роскошной работы, но совершенно вышедшие из моды, в чем Аплечеев, к сожалению, разбирался. Жена, Екатерина Александровна, заставила его сменить и квартиру, и обстановку после повышения. Она пыталась и прежде, но тут сделалась совершенно неудержима, упирала на престиж

высокого поста. Модные затеи обошлись в целое состояние, а Аплечеев богат не был, жалование получал не самое значительное и взятки не брал. По большому счету. Словом, Аплечеев хорошо понимал, что означают эти изогнутые ножки, изгнанные, должно быть, из парадных зал.

Пригласили входить. Графа явно только что разбудили: на лице еще горели следы диванной обивки, но Аплечеева он встретил у двери и поприветствовал самым бодрым и доброжелательным образом.

Губернатор и обер-полицмейстер заняли безукоризненно модные кресла лучшей парижской работы. Граф, несмотря на деланную энергичность, выглядел уставшим и разбитым.

«Тяжелая, должно быть, работа, – подумал Аплечеев, – царей убивать».

Пален предложил закусить, чаю или чего-нибудь, как он выразился, посущественнее. Александр Андреевич отказался, и мужчины перешли к делу. Пален слушал молча, отвернувшись в сторону шпалеры, словно рассматривал подробности вышитой морской баталии. Аплечеев закончил, Петр Алексеевич помолчал еще секунду, постукивая по ручке кресла.

– Кавалергард?

– Вернее всего.

– Паскудно. Нет, Александр Андреевич, такой поворот нам совсем некстати. Петербург гудит, словно пчелиный улей. Подобное убийство произведет впечатление разорвавшейся бомбы. Попрошу вас пока оставить дело без движения. До особого указания.

Александр Андреевич этого и ожидал, но все равно испытал неприятное, гадливое чувство. Он не был мальчиком и знал, как делаются дела, ему доводилось смягчать или отводить в сторону удары правосудия. Чаще всего от балованных барчуков, чье молодое озорство не всегда оборачивалось вполне безобидно. Соблазнения, буйные кутежи, подделанные векселя, дуэли – с этим он смирился, но не хладнокровное же убийство заслуженного калеки!

– Как прикажете, – недовольно кивнул он.

Граф внимательно посмотрел на него. Аплечеев тут же пожалел о неосторожных словах и еще больше о тоне. Петр Алексеевич Пален уже несколько часов самый могущественный человек в империи, не исключая государя и вдовствующей императрицы. При самой отчаянной решимости Александр Андреевич мог только погубить себя, но не повлиять на решения графа.

Карьера Аплечеева стремительно взметнулась последние годы, пришпоренная внезапной благосклонностью Павла, которая бывала столь же непредсказуема, как и опалы. Теперь император мертв, зато перед ним открылась блистательная возможность проявить усердие, помогая Палену в важном и щекотливом деле. Трудно придумать в такой ситуации что-нибудь глупее, чем губить собственное будущее ради пустых дерзостей.

– Не извольте беспокоиться на этот предмет, ваше сиятельство, – Александр Андреевич постарался сгладить ошибку и снова поморщился, в этот раз от неизвестно откуда взявшейся лакейской манеры. Что это за «не извольте беспокоиться»? Почему вдруг «сиятельство», вместо обыкновенного Петра Алексеевича?

– Превосходно, – сказал Пален, не отрывая взгляда, – превосходно.

Граф помолчал еще несколько секунд, постукивая по подлокотнику. Он явно обдумывал продолжение беседы, не зная, держаться ли прежнего плана.

– Должен сообщить, – заговорил наконец он, – что я вскорости буду отставлен от должности военного губернатора. Его Величество полагает мне иное применение.

«Генерал-прокурор? – мелькнуло у Аплечеева. – Канцлер?»

– По моему глубокому убеждению, вы можете с успехом заместить меня. Стать, так сказать, украшением среди губернаторов, показать, как много можно достигнуть на этом месте. Если назначить, разумеется, наконец дельного человека, – граф вернулся к своей обычной дружелюбно-шутливой манере.

За ужином Александр Андреевич был молчалив. Заботливая Екатерина Александровна пробовала разговорить мужа, разделить заботы, да и просто удовлетворить любопытство, великолепно развитое от природы, но он отвечал односложно и невпопад.

Нельзя сказать, чтобы Аплечеева мучала совесть: о Свистулькине и его убийце он почти не вспоминал. Александра Андреевича охватило странное настроение, в котором никак не получалось разобраться. С женой говорить не хотелось – она, вернее всего, вытащит из него сообщение о будущем губернаторстве. Придется разделять воодушевление, а радости никакой не было.

Обещанный карьерный взлет не был долгожданным успехом, победой, достигнутой предельным усердием. Он еще к нынешней-то должности не успел толком приспособиться, привыкнуть к высокому положению. Слишком быстрый служебный рост ощущался чем-то ненадежным и не совсем реальным. Трудно чувствовать себя уверенно, когда опалы и отставки сыплются на высших вельмож империи едва ли не ежедневно, по обыкновению царствования Павла I. Теперь вот убили даже этого беспокойного помазанника божьего.

Дальнейшие события той ночи известны по сообщениям Екатерины Александровны. Свою историю она множество раз повторяла самому широкому кругу лиц. С незначительными вариациями рассказ приведен в мемуарах Ивана Дмитриевича Якушкина и Евграфа Федотовича Комаровского, неизданных записках князя Юрия Сергеевича Хованского, письмах, в частности, Николая Александровича Саблукова, записи беседы с Романом Романовичем Галлом из архива А. Ф. Лабзина. Причем это только те, кто слышал рассказ непосредственно от Екатерины Александровны. Пересказов же и отрывочных свидетельств насчитывается много десятков, если не сотен. В российской печати вплоть до революции 1905 года существовал цензурный запрет на любое упоминание убийства Павла I. Поэтому отдельно стоит упомянуть книгу о России Дюпре де Сен-Мора, где французский путешественник прямо связывает рассказ Аплечеевой с убийством императора. Также события этой ночи, пусть смутно и непонятно, описаны самой Екатериной Александровной в письме Лабзину.

Около полуночи она проснулась от криков, раздававшихся из спальни мужа. Екатерина Александровна подбежала к двери, разделявшей смежные комнаты, но та была заперта. Аплечеева деликатно постучала, опасаясь, не привиделось ли ей во сне. Когда вновь раздался крик, Екатерина Александровна узнала голос супруга.

– Вон! Вон! – кричал, даже почти рычал Александр Андреевич. – Вы не смеете!

Не зная, что делать, Екатерина Александровна схватила с комода фонарь и выбежала из спальни в коридор, в ту же секунду с грохотом распахнулась дверь, Аплечеев выскочил в коридор в ночной сорочке и колпаке.

– Подите к черту! – крикнул он вглубь своей спальни.

Екатерина Александровна подошла к супругу и заглянула в комнату. Возле кровати горели свечи, на полу лежал перевернутый попугай для письма, были рассыпаны листы служебной переписки и карандаши, из опрокинутой чернильницы растекалась сверкающая агатовая лужица. В спальне никого не было.

– С кем ты говоришь, Саша?

– Мадера.

– Что?..

– Была же мадера. Где?

Екатерина Александровна молчала в изумлении. Александр Андреевич говорил самым спокойным тоном, отчего становилось еще страшнее.

– В буфетной? Да, надо полагать, в буфетной.

С этими словами он забрал у нее фонарь, неторопливо разжег его и двинулся вглубь квартиры. Екатерина Александровна молча следовала за ним. Из людской выглядывали горничная Варя и кухарка Агаша. Александр Андреевич бросил на них взгляд – и прислуга исчезла за

дверью. В буфетной обер-полицмейстер неторопливо отыскал мадеру, после чего с некоторым недоумением осмотрел запечатанную бутылку.

– Штопор, – сказал он. – А впрочем... Водка? – взял он в руки графин.

Екатерина Александровна молча кивнула.

– Анисовая?

Екатерина Александровна кивнула опять.

– Превосходно, – Александр Андреевич взял стакан, зачем-то с силой дунул в него, наполнил до трети и деловито выпил, ритмично двигая кадыком.

– Саша, что с тобой?

Аплечеев словно ждал этого вопроса, он заговорил, непонятно, но с большим напором:

– Не уймется старый черт. И речи дурные. Ведь глупость. Глу-по-сть! Долг. Что долг? Надо же разбирать. Кому прибыль, коли погублю будущее свое, службу, старания, труды пущу прахом? К чему? Плетью обуха... И ведь как живой, только просвечивает немного... и не поверит никто...

– О чем ты, Саша?

Аплечеев замолчал, налил еще водки и выпил, страдальчески морщась.

– Пустяки. Пойдем спать, – он взял со стола фонарь и прошел мимо Екатерины Александровны.

Она следовала за ним. Возле дверей в спальни Александр Андреевич хотел вернуть супруге фонарь.

– Я хочу побыть с тобой, – отрицательно качнула головой Екатерина Александровна.

Аплечеев молча пропустил жену в спальню.

Он опустился на колени и собрал бумаги, несколько раз менял листы местами, придерживаясь какого-то порядка. Екатерина Александровна хотела было позвать прислугу, но передумала и, как могла, промокнула чернила дряхлым халатом мужа, еще прежде назначенным ею в тряпки.

– Придвинь мне кресла, – попросила Екатерина Александровна, когда он закончил.

Аплечеев, по-прежнему молча, подвинул к изголовью кресло, задул свечи, погасил фонарь и лег в постель. Сработала ли водка или крепкое душевное устройство – но, как ни поразительно, уже спустя несколько минут он крепко спал, иногда всхрапывая. Екатерина Александровна устроилась в кресле в полной решимости не смыкать глаз до утра: она опасалась нового приступа у мужа и хотела встретить его бодрствующей. Однако Екатерине Александровне в ту пору было только двадцать лет, и юное тело довольно скоро взяло верх. Когда она проснулась, словно вынырнув из глубокого сна, за окном ярко горел давно наступивший день, а мужа уже не было ни в постели, ни в доме.

III

Верескин после убийства Свистулькина выскочил из комнаты и одним махом скатился по лестнице на этаж. Тут Иван Никифорович сообразил, что оставил дверь открытой, и остановился, не решаясь вернуться и не решаясь уйти. Только теперь он заметил, что весь покрыт кровью. Шинель можно было снять и вывернуть подкладкой наружу, но кровь на белых лосинах просто била в глаза. Иван Никифорович вспомнил о лохани с водой возле постели жертвы и все-таки поднялся обратно. Он крался с еще большей осторожностью и тщательно прикрыв за собой дверь, избегая малейшего скрипа. В сереющем вечернем свете тело убитого казалось грудой старого белья, подкрашенного красным. Быстрые тревожные мысли об испачканной одежде, опасности, открытой двери как-то вытеснили из фокуса внимания самого убитого. Когда взгляд коснулся мертвого тела, Верескин невольно шумным вдохом втянул полную грудь. Пришлось напомнить себе, что покойный – никчемный старикашка, бессмысленно доживавший в грязной конуре последние месяцы неудавшейся жизни.

Кисти рук были окровавлены, полить из ковшика некому – он ополоснулся прямо в лоханке. Вода, конечно, сразу окрасилась красным, и все попытки отмыться только еще больше размазывали кровь по лосинам. В комнате, кстати, был умывальник, спрятанный в нише, которую обрамлял резной портал с облезшей позолотой. Бархатные занавеси с кистями еще пятнадцать лет назад продал коллежский советник Кузьев, первый управляющий домом после смерти Олсуфьева. Зато предыдущие жильцы – властная неимущая вдова с дочерью, забитой и сильно перерзевшей девицей – украсили сероватые полотнища кривоватыми петухами. Верескин в волнении умывальника так и не заметил.

Внизу ждал с лошадьми денщик Прохор. «Даже такой олух, как он, – думал поручик, – едва ли не приметит кровь на белых лосинах». Надо сказать, Верескин ошибался насчет собственного денщика. Вечно сонный, туповатый вид легко вводил в заблуждение, но на самом деле Прохор всегда подмечал все необходимое и даже немало лишнего. В его смывленности и наблюдательности Иван Никифорович многократно имел возможность убедиться, но, как и многие другие, был невнимателен с низшими, пока те не доставляют хлопот, а Прохору вполне хватало смекалки нечасто раздражать далекого от снисходительности барина.

Верескин жалел о напрасно взятом с собой денщике: лошадь можно было доверить и какому-нибудь мальчонке из соседской лавки. Впрочем, Иван Никифорович немедленно сообразил, что мальчонка еще хуже Прохора: он не только увидит кровавые лосины, но и в отличие от Прохора останется на месте преступления к началу расследования.

У извозчиков свои недостатки. Возницы – люди приметливые, с полицией обычно в дружбе, к тому же знали бы адрес Верескина. Можно, конечно, отпустить экипаж за несколько кварталов и отходить немного в сторону, прежде чем нанимать, или вовсе пройти весь путь пешком. Но и это не идеально: слишком многие могли увидеть следы крови.

Иван Никифорович опомнился. Сожалениями прошлого не переменишь, а каждая потерянная минута грозила уничтожить будущее. Так или иначе, Верескину ни за что не застирать одежду от кровавых следов без посторонней помощи: Иван Никифорович не имел ни малейшего понятия, как это сделать, а значит, перед кем-то придется отчасти раскрыться, и Прохор не худший выбор. Можно, конечно, выбросить мундир или... В этом месте Верескин опять оборвал несвоевременные размышления. За время, проведенное в комнате, он немного успокоился и выбирался не торопясь, со всеми мерами предосторожности. Приоткрыл на палец дверь, постоял неподвижно несколько секунд, прислушиваясь, убедился, что никого нет, и проскользнул к лестнице, а после вниз, как смог быстро и бесшумно.

Верескин с Прохором без происшествий добрались до просторной квартиры, которую поручик снимал на углу Гороховой и Екатерининского канала. Прохор помог барину раздеться,

после чего Верескин велел немедленно почистить одежду от всякой дряни, как он выразился, и завтра же, непременно с самого утра, отдать прачке.

Отмытый и распаренный Иван Никифорович устроился на оттоманке в уютном стеганом халате поверх белья. Он беспечно вглядывался в темень, затянувшую окна, и обдумывал следующий шаг. Любое решение, принятое в такой день, может стать главным в жизни, а то и последним. Торопиться не следовало. Конечно, Верескин уже стал ключевым участником заговора, его вклад много весомей, чем можно ожидать от гвардейского поручика сомнительного происхождения. Добавит ли хоть что-нибудь непосредственное участие в аресте императора? В деле примут участие десятки, если не сотни, офицеров – его тщедушная персона едва ли будет замечена. Иван Никифорович не принадлежал к числу счастливых молодых людей, выделяющихся физической мощью или особенной удалью, что и сам превосходно понимал.

Польза от участия не очевидна, зато опасность – вполне. Нельзя, к примеру, исключить воинской схватки, если у Павла найдутся защитники. Верескин не был трусом, в нем помещалось достаточно решимости и дерзкой отваги, но совсем отсутствовала тяга к риску без твердой уверенности в будущих выгодах. Впрочем, он сразу же решил, что шансы серьезного боя ничтожны и незачем принимать их в расчет.

Настоящая опасность – провал всего замысла. Несмотря на молодость, Иван Никифорович успел убедиться, как легко разрушаются человеческие замыслы, и чем значительнее, тем легче. Павел мог успеть ускользнуть, мог затеряться в огромном Михайловском замке. Кто знает, какие тайны спрятаны в этом странном дворце, похожем на галлюцинацию? Слухи по городу самые фантастические. Довольно лошади, открытых ворот и минуты времени, чтобы затеряться в ночном Петербурге.

Затея с переворотом, и именно этого Верескин опасался больше всего, могла быть изначально задумана для выявления возможных бунтовщиков. Человек, провернувший такую интригу, занял бы совершенно исключительное место. Иван Никифорович предполагал вполне конкретного претендента на роль великого провокатора: ни малейшего доверия не вызывал у него граф Пален. Верескин встречался с ним только дважды: первый раз совсем мимоходом и чуть подольше сегодня. Общество видело в графе весельчака и оригинала, человека прямого и доброжелательного. Иван Никифорович разглядел только неискусную маску на лице коварного филигра и не мог понять, почему другие этого не замечают. Верить такому человеку нельзя. Неясно только, кто жертва коварства: император или заговорщики?

Случись провал, и участники вторжения в императорскую резиденцию с оружием в руках станут тягчайшими преступниками. А вот уклонившиеся могут и выкрутиться. Да, что-то слышал – разговоры и прочее – по скудоумию не понимал последствий или, скажем, полагал пустым балаболством.

Верескин неожиданно понял совершенно очевидное – просто поразительно, как при своем неоспоримом уме он не додумался до этого прежде. Провал погубит его, именно его, совершенно точно, безотносительно любых обстоятельств, пойдя он или останься дома. Если заговор не удастся, в глазах закона Иван Никифорович станет убийцей.

«Обещание мое, – думал он, – слышало человек двадцать, кто-нибудь да предаст, а вернее всего, все до единого. В страхе эшафота да под пыткой всякий заговорит. А уж кого-кого, а меня они выгораживать и не подумают».

– Прощка! Филька! – закричал Иван Никифорович.

Первым на крик прибежал Филимон, собственный дворовый человек Верескиных, в отличие от Прохора, человека казенного, приставленного к Ивану Никифоровичу в полку.

– Ужинать прикажете? – спросил Филимон, немного задыхаясь.

Он в самом деле спешил, зная крутой нрав барина, скорого на расправу, но задыхался все-таки больше для виду: старался показать свою необыкновенную услужливость и усердие.

– Одеваться.

Подбежал и Прохор. Объединенными усилиями они минут за двадцать нарядили хозяина и вышли следом за ним во двор. Тут оказалось, что лошади, конечно, давно расседланы и отдыхают в стойлах.

– Что же вы, бараны, не передали седлать?

– Я по лошадиной части без касательства, Иван Никифорович... – негромко пробормотал Филимон, глядя в землю.

– Не мог знать, пригодится ли, ваше благородие, – Прохор вытянулся во фрунт.

– Не мог знать!? Думал, я в нужник наряжаюсь!? Макака безрогая, – злобно процедил Верескин и ударил денщика в лицо.

Прохор согнулся, зажав лицо ладонями.

– Смирно! Руки по швам! – скомандовал Верескин.

Он нанес еще несколько ударов. Прохор решил, что вытерпел достаточно, и рухнул на посыпанный песком и опилками двор, как бы сраженный богатырской мощью Ивана Никифоровича. Верескин дважды или трижды ударил сапогом в живот и переключился на Филимона. Его он отделал намного мягче, считая вину менее значительной. Конюх Карп и вовсе отделался затрещиной и пинком по мягкому месту: он ведь, в общем-то, ни в чем не провинился.

– Ты! – Верескин ткнул пальцем в Филимона. – Извозчика мне, тотчас. Вы двое – седлать.

Филимон бегом кинулся со двора, Прохор и Карп рысью побежали в конюшню. Филимон успел первым: двое извозчиков поджидали поздних седоков возле соседнего ресторана, дорогого, но немного сомнительного в смысле публики.

– Куда изволите? – спросил извозчик.

Верескин уже сидел в санях, укрытый суконной полостью, отороченной дешевым мехом, и почти успокоился после разноса. Вместо ответа он с силой дернул в сторону бархатный воротник и покосился на прислугу, которая ждала отъезда барина, выстроившись почти строевым порядком возле дворовой арки. Прохор рукавом утер кровь, сочащуюся из разбитого носа.

Верескин с досадой осознал, что не имеет представления «куда». Ему было решительно ничего не известно про планы заговорщиков: ни время сбора, ни место. Невозможно же, в самом деле, просто приехать к императорской резиденции и рыскать вокруг в поисках товарищей по предприятию.

– В полк, – скомандовал он.

– Ась? – извозчик повернулся к седоку и почесал под шапкой.

– На Фонтанку. Гарновского дом. И не мешкать.

В расположении полка никого из знакомых Верескину заговорщиков не нашлось. Он вернулся к извозчику, которому велел ждать, и отправился дальше. Одну за другой Иван Никифорович посетил квартиры участников, всех трех, чьи адреса были ему известны. Никого не оказалось дома, что естественно – пока Верескин метался по городу, господа офицеры заканчивали ужин у Талызина, сильно отдававший попойкой. Пален – человек, бесспорно, большой ловкости и сообразительности – боролся с робостью гостей обильным шампанским.

Иван Никифорович решился наконец отправиться к Палену, но и тут не преуспел. Дверь открыл заспанный швейцар, который сообщил, что его сиятельство не принимают. Верескин настаивал, упирая на государственную необходимость – швейцар признался, что хозяина дома нет. В то самое время, когда он шумел и будил прислугу, заговорщики заходили в Михайловский замок.

Верескин вернулся домой в отвратительном расположении духа. Ночные метания по городу оказались полностью бессмысленными. От тяжелого возбуждения и все сильнее болевших повреждений, нанесенных Свистулькиным, он долго не мог заснуть. Очень скоро нервный, прерывистый сон боязливо прервал Прохор: прибыл вестовой с приказом немедленно прибыть.

В полку седлали. Редкие фонари освещали деловитую суету. Лошади, чувствуя тревогу, беспокойно ржали и переминались с ноги на ногу.

Штаб-ротмистр Корсаков, командир полуэскадрона Ивана Никифоровича, почти бежавший мимо, резко остановился.

– Верескин. Наконец-то, – брезгливо сказал он. – Карабины и пистолеты заряжать боевыми. Выступаем верхами с полной амуницией и без поклажи.

– Никита Иванович, – Верескин постарался придать голосу самое доверительное выражение, – что случилось?

– Поручик, прекратите болтать. Исполняйте.

Иван Никифорович щелкнул каблуками и откланялся коротким кивком. Его просто разрывало от злости и унижения. «Посмотрим, как ты завтра запоешь, посмотрим, – думал он, – небось, уже нос воротить не станешь, прыщ высокородный».

Солдаты его взвода негромко переговаривались.

– Точно вам говорю, братцы, гишпанцы злоумышляли на государя. Теперь война.

– Скажите, дяденька, а что такое гишпанцы по воинской части? Если взять, к примеру, против французов? Пожиже будут? Навроде турок?

– Мо-олчать! – раскатисто скомандовал Верескин. – Не смей!

«Вот же, – думал он, – звериное чутье, ведь почти угадали. Настоящие животные».

Полк готов был уже выступать, когда приказали строиться пешим строем, оставив лошадей в готовности. Конногвардейцы потянулись во двор. Раздавался даже легкий шепот недоуменного неодобрения. Непоследовательные команды выдавали очевидную растерянность начальства. Верескин томился, пытался угадать развитие ночного предприятия: случилось, очевидно, чрезвычайное, но что именно? Успех, провал, заминка? Карьера, огромное поприще, чины? Следствие, тюрьма, эшафот, Сибирь? Гражданская война? Знакомые Ивану Никифоровичу заговорщики отсутствовали, спрашивать было некого.

Полк выстроился. Прошло пятнадцать минут, тридцать, сорок, час, но ничего не происходило, только медленно надвигался мутный петербургский рассвет. К утру похолодало, солдаты переминались, стараясь согреться. Раздавался характерный звук поскрипывавшей и позвякивающей амуниции. Унтера даже не пытались привести строй к порядку.

Вышел командир полка, генерал Тормасов, в сопровождении полковника Саблукова, дежурившего в тот день. Чуть позади следовал полковой адъютант Ушаков, единственный сослуживец, с которым Верескин отчасти сблизился, полковой священник отец Иоанн, еще несколько офицеров. Все очень серьезные и сосредоточенные. Строй замер. В полной тишине священник установил на брусчатку аналой, подышал на большой крест и аккуратно протер его огромным белым платком.

Иван Никифорович отчего-то решил, что генерал сейчас закричит: «Вот он, изменник! Держи его, братцы!» – и укажет прямо на него. Священник нужен, должно быть, для него, для Верескина. Его, очевидно, тут же во дворе и расстреляют – для этого и боевые. Иван Никифорович очень точно представил, как его отведут к глухой стене конюшни, священник пробормочет молитву и завяжет из милосердия глаза вот этим самым своим платком, наверняка пропахшим и нечистым.

Верескин превосходно понимал, что ничего подобного произойти не может. В самом страшном случае его могли арестовать, судить и повесить, но все же картина немедленной гибели казалась такой реалистичной и неизбежной, что у него перехватило дыхание и даже выступил пот, хотя Иван Никифорович успел изрядно продрогнуть.

– Братцы! – начал генерал. Тут он закашлялся и замолк.

«Ну же! Не тяни!» – Верескин боялся вдохнуть, старался задавить разгулявшееся воображение и не мог.

Тормасов сделал призывающий жест, скинул подбежавшему денщику на руки шубу, стянул перчатки. Стояла абсолютная тишина, даже ветер стих.

– Братцы! Несчастье, – заговорил наконец Тормасов, – страшное несчастье. Неизречимая потеря. Император скончался. Апоплексический удар.

«Свершилось», – промелькнуло у Верескина.

– Наш полк всегда славился своим... – продолжал генерал.

Тормасов говорил несколько минут, выражаясь довольно бессвязно. Слова он использовал самые истасканные – казенные обороты, сточенные частым употреблением, но связывал их так неловко, что генерала трудно, если вообще возможно, было понимать. Явная растерянность слышалась в голосе, угадывалась в чрезмерной жестикуляции. В ответ на неуверенность Тормасова по строю покатился нарастающий ропот недовольства. При всем брезгливом презрении Верескина к суждениям низшего сословия даже он знал, что император Павел возбудил у мужиков некоторые надежды, особенно в начале своего царствования. Тормасов приказал перейти к присяге. Полку в ответ полагалось грянуть дружным «ура!», вместо чего раздались разрозненные выкрики, несколько секунд продолжились неуверенной переключкой отдельных голосов и замолкли окончательно.

Офицеры собирались возле командира полка. Они впервые столкнулись с единодушным непослушанием вышколенных, всегда покорных солдат и совсем не знали, что делать. Полковник Саблуков единственный не потерял присутствия духа. Он подошел к строю, негромко переговорил с несколькими солдатами, выбирая самых старых и авторитетных. Затем вернулся к Тормасову и зашептал что-то по-французски.

– Позвольте заметить, ваше превосходительство, – сказал Саблуков громко и по-русски, – что мы приступаем не по уставу: присяга не приносится без штандартов.

Он добавил еще несколько французских слов, снова понизив голос, так чтобы нельзя было разобрать со стороны.

– Вы совершенно правы, полковник, пошлите за штандартами.

Первому взводу приказали отправляться верхом за штандартами. Саблуков подошел к корнету Филатьеву, командиру взвода. Верескин держался поблизости, и ему удалось разобрать слова полковника.

– Непременно покажите им тело императора. Солдаты не верят, что он мертв. Да и нам не худо было бы убедиться.

– А как же?... – заволновался корнет. – А ежели?..

– Коли откажут допустить, держитесь твердо, говорите прямо, что без того привести полк к присяге невозможно.

Солдаты не понимали, разумеется, тонкостей политического момента, зато хорошо помнили недавнюю историю. Всего четверть века прошло с казни Емельяна Пугачева, выдававшего себя за Петра III, а он лишь самый известный и, если так можно выразиться, преуспевший самозванец из множества. Для крестьянина, а значит и солдата, царь и присяга были понятиями прямо религиозными, без тонкостей и символизма, и они совершенно не собирались губить душу клятвопреступлением и изменой ради барских плутней.

Солдат допустили к телу убитого императора. Менее чем через час взвод вернулся со штандартами, и присяга прошла обычным порядком. Назначили обычные караулы. Отсутствовал участник заговора поручик Шипов, который должен был в тот день командовать конногвардейцами в Ассигнационном банке. Место бессмысленное: высокому начальству там на глаза не попадешься. После тяжелой ночи в замену Шипову нести скучную вахту отправили, конечно, Верескина. Ему вообще всегда доставались самые неприятные обязанности по службе.

Банк оказался вовсе не тем сонным местом, каким был всегда. Множество посетителей, в десятки раз больше обыкновенного, пытались поменять ассигнации на монету или хотя бы выведать новости. Приезжал и Фрол Игнатьевич, управляющий петербургскими делами

отца Верескина, который выдавал поручику трижды в год установленное родителем содержание. Старшего Верескина отправили в отставку в первые же дни нового царствования, он жил теперь в поместье, подле своего знаменитого завода, в столицу заезжал очень редко и только на несколько дней. Фролу Игнатьевичу доводилось несколько раз выручать юного конногвардейца, выдавая деньги вперед, причем без извещения отца, так что Верескин рад был бы отплатить старику ответной услугой, но ничего не мог. Младший банковский люд хоть о чем-то с многозначительным видом и шептался, сам ничего не знал, кроме указания не проводить пока совершенно никаких операций. Верескин скоро понял, что перешептывали они не служебные секреты, а общегородские сплетни, долетавшие как-то сквозь стены банка. Старшее же начальство отсутствовало – надо полагать, делало визиты начальству высшему и старалось вынюхать, куда подуют ветры новорожденного царствования.

Верескин дважды за день грубо нарушил устав. Он покидал караул, искал соучастников, чтобы разузнать подробности ночного дела, но так никого и не нашел. После обеда приехал поминутно зевающий поручик Шипов, который выглядел таким разбитым и помятым, словно убивал императоров всю неделю. Он передал приказ немедленно отправляться к командиру полка. На уточняющие вопросы Шипов отвечал неопределенно, странно улыбался и смотрел в сторону. По всей видимости, решил Иван Никифорович, не совсем оправился от ночных переживаний и возлияний. Дыхание Шипова тяжело отдавало перегаром.

За окном кабинета Тормасова сгущались сумерки, в комнате уже зажгли свечи. Генерал сидел за столом и довольно небрежно проглядывал какие-то документы. В кресле возле камина задумчиво наблюдал за пламенем эскадронный командир Верескина Иван Федорович Янкович-де-Мириево, именно через него поручик вошел в круг заговорщиков. Вид соучастника еще больше приободрил Иван Никифоровича: его явно ожидала благодарность и какое-то поощрение.

Верескин со всей возможной молодцеватостью приблизился к генералу, отдал честь.

– Ваше превосходительство, господин полковник, – он поклонился кивком головы в сторону камина, – поручик Верескин прибыл!

Тормасов рассматривал его, постукивая по столу.

– Вот что, поручик. Вам следует незамедлительно выйти из полка.

Верескин почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он не мог найти слов и в поисках поддержки посмотрел на своего полковника, но тот сосредоточено ворошил кочергой поленья, не глядя на него.

– Простите, но... Позвольте узнать причину?

– Причину? Причину? – Генерал изумленно покачал головой. – Вы смеете спрашивать?! Я не в силах понять, не решаюсь даже вообразить, как на вас оказалась эта форма, как вы стали офицером нашего полка. Да что нашего, просто офицером, просто дворянином. Это немыслимо! Вы убийца! Хладнокровный и... Зарезать беззащитного старика, калеку... Как?!

– Отчего молчите, полковник? – Верескин повернулся к Янкович-де-Мириево. – Не желаете ли, сударь, поделиться суждением о вышесказанном предмете?

Поручик говорил, конечно, слишком дерзко для обращения к командиру, старшему и званием, и возрастом, но все же для обстоятельств не слишком заступал за грань приличий.

Полковник же повел себя так, словно столкнулся с невероятной грубостью и совершенно вышел из себя. Судя по всему, он еще до прихода поручика находился в крайне взвинченном состоянии.

– Не смей! – Янкович-де-Мириево вскочил с кресла и подбежал к Верескину. – Не смеешь! Таким тоном! Как могли! Опозорить! Честь! Мундир!

– Позвольте заметить, полковник, – Иван Никифорович заговорил преувеличенно спокойно и неторопливо, – я приступал в вашем обществе. Ежели вы считали мой метод негодным, отчего промолчали, не сказали сразу? Не остановили меня?

– Я?!! Да как же вы!.. Как, как можно было представить, что вы собираетесь действовать таким манером?! Офицер конной гвардии!

– Чего же вы ожидали от меня? Колдовства?

– Ареста, черт возьми! Ареста! Мы ожидали, что вы посадите старого дурня под замок! Не убийства же!

– Ареста...

– Да, ареста! Кстати, позвольте осведомиться, отчего вас не было с нами ночью? – полковник вдруг снизил тон к негромкому сарказму. – Или столкновение с дряхлым калекой так тяжело вам далось, – Янкович-де-Мириево указал на распухшую после вчерашней схватки физиономию Верескина, – что продолжать не решились? Оробели?!

– Не смеете! Удовлетворения! Немедленно!

Полковник хохотнул, даже как-то благодушно.

– Драться? С вами? Я? С вами?

Он снова хохотнул.

– Довольно, – заговорил Тормасов, – это никуда не ведет. Поручик, только боязнь запятнать честь полка мешает мне немедленно передать вас в подходящие руки. Не стоит принуждать меня к крайностям, невыгодным вам более, чем любому другому. Так или иначе – выйти из службы придется.

– Посмотрим.

Верескин развернулся и на негнущихся ногах вышел прочь, с грохотом захлопнув дверь. Дома поручик велел подать вина и закрылся в гостиной. Он судорожно искал решения, но только наполнял стакан за стаканом.

Жизнь и смерть Верескина во многом известны благодаря лабзинскому архиву, в частности записи беседы с Николаем Васильевичем Ушаковым, в 1801-м полковым адъютантом конногвардейцев и довольно близким приятелем Верескина. Там же содержится несколько более или менее откровенных писем петербургских знакомых Верескина.

Сохранился довольно обширный материал мемуарных записей и писем современников. Из важнейших следует упомянуть воспоминания Августа Коцебы, письма барона фон Гейкинга и Константина Марковича Полторацкого. К сожалению, почти все доступные нам источники появились после событий Отечественной войны 1812 года, тогда же составлялся и лабзинский архив. Подавляющее большинство авторов не были непосредственными свидетелями – они основывались на пересказах из вторых-третьих рук, если не простыми слухами. Вполне естественно, что дошедшие до нас версии чаще всего далеко отклонились от истины, обросли как нелепыми домыслами, так и незначительными ошибками. Верескина, например, почему-то куда чаще называют кавалергардом, чем конногвардейцем.

Точность с полковой принадлежностью вовсе не гарантирует общей достоверности. Здесь трудно удержаться и не упомянуть известный курьез, прекрасную иллюстрацию зыбкости и ненадежности повествовательных источников, показатель того, как предвзятый подбор удобных мемуаров и воспоминаний позволяет прийти почти к любому нужному результату.

Частное письмо Александра Федоровича Анненкова к Ростиславу Филимоновичу Долгоухову, опубликованное в феврале 1906 года в журнале «Ребус», наделало много шума в среде оккультистов, спиритов и теософов. Александр Анненков приходился внучатым племянником Василию Александровичу Анненкову, штаб-ротмистру конногвардейского полка времен Павла I, чей рассказ и передает письмо. К моменту публикации ни Василия Александровича (разумеется), ни Александра Федоровича, ни Ростислава Филимоновича уже не было в живых.

Первая половина текста письма с незначительными вариациями пересказывает хорошо известное. Отставной калека капитан Свистулев (так в тексте) случайно узнает о заговоре. Поручик Верескин, спасая себя и соучастников, злодейски его убивает, причем рассказ в этой

части полон садистских и совершенно невероятных подробностей. Следом изображается фее-рия в духе Гофмана:

«На вечернем построении полка разверзлась земля, отделив старших офицеров от основного строя. От трещины исходил невыносимый жар, удушливо воняло серой, вырывались языки пламени. Из огня появилась гигантская рука и обхватила поручика Верескина.

– Час возмездия настал! – завыл нечеловеческий голос, от которого тряслись здания казарм и вылетали стекла. – Отправляйся же в ад, нечестивец!

Голос разразился ужасающим хохотом, рука потащила Верескина к пропасти. Штаб-ротмистр Анненков вместе с несколькими храбрецами пытались удержать поручика, но не смогли, рука, пусть с трудом и понемногу, но тянула его к себе. Анненков выхватил шпагу и нанес несколько ударов, но его выпады без всяких следов проходили сквозь огромную руку, словно ее вовсе не было. Постепенно их подтащили так близко к огненной трещине, что на конногвардейцах начала тлеть одежда, пришлось предоставить несчастного ужасной его судьбе. Едва Верескин исчез в бездне, как земля сомкнулась, и о ужасном происшествии напоминал только обугленный кое-где булыжник брусчатки».

Кстати сказать, Василий Александрович Анненков вышел в отставку еще в ноябре 1800-го и ни в каких построениях весны 1801-го участвовать не мог. Справедливости ради отметим, что даже весьма некритичной аудитории «Ребуса» публикация показалась сомнительной – уже в следующем номере В. И. Крыжановская-Рочестер клеймила *«подобные детские выдумки, роняющие высокое значение оккультной доктрины, выставяющие посмешищем искательство тайного знания, в ту решительную минуту, когда робкая рука слабого человека лишь прикоснулась к занавеси, скрывающей неведомое»*.

Занятно, но эта совершенно сказочная история, разгромленная за фантастичность даже донаучными оккультистами начала XX века, продолжает кочевать по интернету, статьям и книгам всевозможных шарлатанов и псевдочученых, достигая, увы, весьма широкой аудитории.

В изучении событий 1801 года большой интерес представляют мемуары Николая Александровича Саблукова, в которых, что кажется на первый взгляд парадоксальным, отсутствуют имена Свистулькина и Верескина. Тут случай, когда умолчание важнее слов. О знакомстве Николая Александровича с историей Аплечева, причем непосредственно от Екатерины Александровны, доподлинно известно из письма Саблукова к дочери.

Невозможно представить, чтобы громкое происшествие с однополчанином, о котором так много говорили тогда и потом, показалось ему незначительным. Можно предположить, почему Саблуков предпочел промолчать о столь важных обстоятельствах в своих на редкость подробных и точных мемуарах, где убийство императора описывается в самых мелких подробностях.

Николай Александрович с огромным возмущением встретил цареубийство. Он категорически не мог принять гибель священной особы императора от рук дворян и офицеров, облеченных присягой. Конногвардейцы меньше других гвардейских полков участвовали в заговоре (по мемуарам вовсе никак), чем Николай Александрович очевидно гордился.

Нетрудно вообразить отношение Саблукова к убийству беззащитного калеки однополчанином, вдобавок вспомогательной операции по обеспечению цареубийства. Логично предположить, что именно неприятием, стыдом и возмущением объясняется молчание Саблукова.

Помимо мемуаров и писем мы располагаем массивом документальных источников. Немало дали материалы следственного дела, которое также вел обер-полицмейстер Александр Андреевич Аплечев.

Протоколы содержат показания сослуживца и соседа по дому Верескина Александра Ивановича Филатьева. Он сообщил, что в силу некоего неблагоприятного проступка от Верескина потребовали выйти из полка. В чем именно состоял проступок, ни показания корнета, ни другие материалы дела не уточняют.

Согласно показаниям прислуги Верескин, вернувшись домой, напился пьян. Глубокой ночью денщик покойного Прохор Степанов услышал шум и крики из комнат поручика, поднялся к нему и застал барина в горячке. Поручик кричал неразборчивое, а увидев своего денщика, выстрелил в него. Показания подтверждаются pistolетной пулей, засевшей в стене. Слышали выстрел и другие слуги.

Затем Верескин выхватил палаш и попытался зарубить Прохора. Следы от ударов также присутствуют – сам палаш вогнан в стену на уровне груди на глубину двух вершков.

Степанову удалось сбежать невредимым, после чего наверх никто не поднимался: прислугу, конечно, напугал и выстрел, и рассказ. К полудню дворня начала беспокоиться из-за отсутствия барина и тишины. После долгих препирательств, кому идти проверять, в хозяйские комнаты поднялся Прохор Степанов с дворовыми людьми Карпом Петровым и Филимоном Ивановым.

Согласно сухим строкам протокола, утром 13 марта они обнаружили Верескина в гостиной, повешенным на крюке для люстры. Петлю поручик изготовил из ремней собственной портупей. Смерть признали самоубийством, совершенным в горячке, на чем следствие и завершилось.

Материалы дела давно известны ученым. Крупный исследователь и архивист Егор Иванович Пруженицын ввел их в научный оборот еще в начале XX века, что само по себе дало немного. Ситуация разительно переменилась несколько лет назад благодаря важнейшей находке, сделанной нами в Российском государственном историческом архиве (РГИА) – двум донесениям в Сенат: от полицмейстера Павла Яковлевича Беркасова и частного пристава Николая Васильевича Будкевича.

Подробный разбор источника произведен нами в отдельной работе, здесь будет достаточно краткого описания. По сути дела, это доносы на Аплечеева, которые с небольшими вариациями пересказывают один и тот же сюжет. Полицмейстер и частный пристав сообщают, что имело место очевидное убийство, совершенное денщиком жертвы Прохором Степановым. Они прямо обвиняют обер-полицмейстера в сокрытии преступления и туманно намекают на неблагоприятные причины столь вопиющего нарушения служебного долга. Мотивом же убийства называют кражу или, еще вероятней, попытку избежать наказания за раскрытое жертвой преступление. В вещах Степанова найдены серебряная табакерка с эмальями и двадцать семь рублей. Беркасов сумму не указывает, пишет: *«значительная сумма ассигнациями»*.

Крайне интересно доноски передают показания Степанова. Беркасов сообщает про *«несуразные небылицы»* и *«невежественную чепуху»*, а Будкевич про *«дурные сказки»* и, что особенно важно, *«нелепые басни о призраках и прочее в том же роде»*.

Доносы позволили по-новому взглянуть на давно известный источник, никогда не пользовавшийся доверием серьезных исследователей. Иван Иванович Рыжиков всю свою жизнь провел на службе в казанских губернских учреждениях, в тридцатых годах девятнадцатого века мирно скончался в своем нижегородском имении. Известно его письмо к невесте Варваре Андреевне, урожденной Хлоевской; тот же рассказ, как утверждает внучка Ивана Ивановича, содержался в утеранных мемуарах.

Рыжиков пишет, что однажды вечером срочная работа допоздна задержала его в присутствии. Перед уходом подготовленный отчет просмотрел Александр Андреевич Аплечеев, служивший тогда казанским губернатором. Аплечеев остался очень доволен бумагами и угостил чиновника мадерой. У них завязалась отвлеченная беседа, что, со слов Рыжикова, часто между ними случалось, в которой Аплечеев подробно рассказал об убийстве Свистулькина и самоубийстве Верескина.

Это сообщение всегда вызывало естественный скепсис. Александр Андреевич провел в Казани только десять месяцев, причем избегал любых бесед, хотя бы косвенно касавшихся убийства императора. Это подтверждается двумя письмами адресатов А. Ф. Лабзина, знавших

Аплечеева во время казанского губернаторства; да и, наверное, не требует особенных доказательств естественное нежелание государственного мужа, строящего большую карьеру, касаться скользких тем с посторонними.

Откровенность с едва знакомым некрупным чиновником выглядела невозможной. Куда более убедительным казалось, что Рыжиков просто пересказал бродячие слухи, приписав их авторитетному источнику и украсив выдуманными подробностями, стараясь придать себе значимости и посвященности в столичные тайны.

Донесения Беркасова и Будкевича полностью перевернули устоявшееся мнение. Рыжиков сообщает мелкое, в сущности, обстоятельство, кардинально меняющее представление о достоверности источника. Согласно письму Аплечеев прибыл в дом Верескина часа через два после начала дознания и застал Прохора Степанова с обильными следами зуботычин. Бывший обер-полицмейстер считал, что влиятельная и богатая родня покойного пыталась замять скандал с самоубийством и успела подкупить или как-то иначе заинтересовать полицейских чиновников. Церковь и государство боролись, как могли, с самоубийствами; в частности, хоронить таких покойников полагалось без отпевания и «в бесчестных местах». Как передает Рыжиков:

«Прохиндеи раскопали в вещах у Прохора несколько мелких ассигнаций да копеечную табакерку, может, даже подбросили, и пытались повернуть дело, дескать, Прохор украл. Убил и украл. Будь у них на каплю больше соображения и меньше жадности – подкинули бы чего существенней. Лупили нещадно, ждали, оговорит себя».

Табакерка и ассигнации – детали, ставшие известными лишь в наши дни по донесениям Баркасова и Будкевича. Рыжиков мог узнать такие подробности только от Аплечеева – следовательно, беседа действительно имела место, пусть даже менее подробная и откровенная, чем представляет Иван Иванович. Это позволяет доверительно отнестись и к описанию событий той ночи. Немаловажно, что оно ни в чем не противоречит другим сообщениям о проявлениях феномена постжизни Свистулькина, которые Ивану Ивановичу не могли быть известны.

В то же время едва ли разумно полностью положиться на письмо Рыжикова и отнестись к нему как к документальному источнику. Не стоит забывать, что перед нами пересказ Аплечеева, который, в свою очередь, пересказывает по памяти показания Прохора Степанова, которые слышал несколько месяцев назад. Вне всякого сомнения, диалоги, например, могут быть только реконструкцией. Невозможно представить несколько человек, последовательно передающих что угодно дословно, ничего не изменив и не спутав. Особенно ненадежен здесь, конечно, первоисточник, то есть сам Прохор, который едва ли мог в точности передать господский разговор. Слишком велик в ту эпоху культурный разрыв между крепостным крестьянином и дворянином.

Письмо Рыжикова очень обширно и приводится с некоторыми купюрами, содержащими нравоучительные рассуждения и глубокомысленные догадки.

«...Шум, доносившийся со второго этажа, не умолкал, но, больше того, усиливался. Прохор и иные дворовые люди опасались предстать перед барином, зная его горячий нрав, тяжелую руку и наклонность к возмездию известного рода. Поручик к тому же успел принять лобзание Бахуса, что...

...Прохор Степанов неохотно поддался уговорам кухонного Ареопаса, и решился подняться в барские покои. С огромной робостью преодолевал он ступени лестницы, мятущееся пламя лампы бросало тени многообразного ужаса. К чрезвычайному своему изумлению, Прохор застал Верескина в компании незнакомого старика, хотя пребывал в совершеннейшей убежденности в одиночестве барина, ровно как считал, что чужих в доме нет и быть не может.

В устах Степанова, хозяйский гость представал калекой в изношенном мундире с деревянной ногой и костылем, но он не мог в точности сказать, которой именно ноги недоста-

вало. Ответить на вопрос о наличии или отсутствии руки затруднился еще более. Господа ругались промеж собой, поручик, как уже было сказано, пребывал в сильнейшем подпитии.

Верескин, заметив денщика, осведомился:

– Видишь ли ты, Прохор, сего господина?

Денщик, зная необузданные страсти своего хозяина, молчал, раздираемый по разные стороны нерешительностью. Как водится у людей его звания, он бы желал, прежде чем говорить, знать, какого ответа от него желают услышать, тем паче на столь загадочный вопрос.

– Так видишь или нет? – переспросил Иван Никифорович, слегка приходя в сердца.

– Как не видеть, ваше благородие, вот же он.

– Значит, ты не привиделся мне, – сказал поручик старику вполне спокойно. – Тем лучше. Хотел пугать? Зря. Чепуха. Плевать. Ты ничто при жизни. Пустое место. Бессмысленный человечика. Мертвый того не значишь. Тень пустого места. Пшел! Вон! Испарись!

Старик рассмеялся.

– Вот ведь гордыня, сударь вы мой, вас одолевает. И добро изволили бы быть отпрыском знаменитого рода или преуспели на уважаемом поприще, в бранном деле или хотя бы по штатской части. Так нет же.

Верескин молча слушал, не отводя взгляда налитых кровью глаз. «Что твой бык», – подумал Прохор.

– Сын казнокрада, ничего больше. Всего и есть за душой, как ворованные тыщи, да и те не сам украл.

– Пшел вон, жалкий старикашка!

– Нет уж, сударь, никуда я не уйду. Тебе предстоит видеть и слушать меня ежедневно, до самой смерти.

– Я уже однажды избавился от тебя, повторю без малейших колебаний!

С этими словами Верескин схватил со стола пистолет и выстрелил в капитана Свистулькина, а мы, полагаю, можем без всяких колебаний признать, что это был именно он. Меня непрестанно удивляет, дражайшая Варвара Андреевна, нерадивость некоторых господ по службе, капитан в статской службе соответствует титулярному советнику, что на ранг ниже чина коллежского асессора, который я имел честь...

По указанию Прохора, стрелка и цель разделяло не больше трех шагов, расстояние ничтожное для пистолетной стрельбы, скажем, я...

Кроме прочего, Верескин пользовался известностью одного из лучших стрелков своего полка, что, впрочем, как уже было замечено, обстоятельство совсем ничтожное, поскольку будь он даже вовсе неловок в обращении с пистолетом, то и тогда промахнуться на трех шагах было бы совершенно затруднительно.

Пуля выбила прямо за спиной Свистулькина облачко штукатурки из стены. Комнату затянуло пороховым фимиамом. Прохор ожидал, лишь только поредет дым, увидеть старого воина на полу с развороченной грудью, стонущим от невыносимых страданий и умирающим в жутких мучениях, но ничуть не бывало.

Старый калека стоял невредимым и только морщился брезгливо, словно увидел нечто гадкое, да разгонял дым, маша рукой подле лица.

– Что за манеры... – недовольно сказал он.

Прохор посчитал, что, как ни невероятно, поручик дал промах или, может быть, пистолет зарядили одним только пороховым зарядом без пули. Он едва успел удивиться твердости духа старика, как Верескин вскочил на ноги.

– Ну ладно же!

Поручик схватил палаши и постарался освободить от ножен известным эффектным движением, какое в таком фаворе у молодых кавалерийских офицеров. Если изволите пом-

нить, милая Варвара Андреевна, в точности это же показывал на Троицу кузен Екатерины Николаевны. Не припомню теперь имени, такой хорошенький гусар с совершенно девичьим лицом, что кружился все подле вас с плоскими островами. Он много раз изображал такую штуку с самым гордым видом, словно в том и состоит главное занятие воина, и нельзя защитить Отечество, обнажая оружие без трюков дурного тона. Впрочем, он, как вы, конечно, заметили, особенным умом наделен не был, чтобы не сказать сильнее, чего корнет, по всей справедливости, вполне заслуживает.

У Верескина ничего не вышло. Он находился под действием хмельной отравы и, надо полагать, в самых расстроенных чувствах. Оружие застряло посредине, пришлось извлекать по обыкновенному, помогая левой рукой. Верескин отбросил в сторону ножны и приблизился к своей жертве.

– Нет уж, сударь вы мой, убить меня снова не получится, гаденыш ты этакий! – закричал старик.

Поручик произвел ужасный рубящий удар, а следом уколол с такой силой, что клинок насквозь пронзил несчастную жертву и глубоко вошел в стену, припилившись, как казалось, Свистулькина на манер бабочки в альбоме у барышни.

Капитан брезгливо посмотрел на клинок и сказал совсем неожиданное:

– Холодит. Неприятно, – с этими словами он сделал шаг в сторону.

Палаши остался воткнутым в стену, притом никаких следов крови не было видно, и даже мундир калеки выглядел совсем неповрежденным.

В эту секунду Прохор углядел, что старик несколько прозрачный и сквозь него можно, пусть не вполне четко, разглядеть узор на обоях. Деничика обжигающим пламенем охватил ужас, он бросился прочь из комнаты, не в силах перенести...»

Дальше Рыжиков многословно рассуждает о вещах очевидных для его современника, но не столь явных теперь. В начале XIX века, как и сейчас, не было принято держать заряженные пистолеты на столе в гостиной. Иван Иванович делится предположением – трудно сказать, своим или Аплечеева, – что Верескин обдумывал самоубийство еще до (!) появления призрака. Разумеется, это лишь гипотеза, пусть даже весьма веская, которую мы едва ли сможем когда-нибудь окончательно подтвердить или опровергнуть.

IV

Утром 15 марта, через три дня после того, как Ульяна Августовна Шпомер обнаружила соседа мертвым, горничная проводила ее в комнату к Шарлотте Францевне Альтберг, которая сидела за конторкой и перебирала огромные стопки бумаг. Возле нее, прямо на полу, громоздилась куча изорванных листов. По обрывкам на начищенном паркете, похожим на последние ошметки снега в весеннем лесу, можно было проследить путь бумаг от конторки к жарко растопленной печке. Визит полицейских чинов произвел на супругов Альтберг такое удручающее впечатление, что было решено срочно навести порядок в бумагах.

– Einen wunderschönen guten Morgen, holdes Fräulein! – широко улыбаясь, поздоровалась Ульяна Августовна. – Welch ein gar mirakulöser Tag heute!⁶

– Здравствуйте, – хмуро ответила госпожа Альтберг. – Слушаю.

Возможно, ей как баварке не понравился лифляндский выговор Ульяны Августовны, да еще и со следами русского акцента, может быть, сказывалась настороженность и расстройство от чрезвычайных событий, но вероятнее всего, она просто следовала своему обычному высокомерию с низшими. Альтберг даже не предложила Ульяне Августовне сесть.

– Дражайшая Шарлотта Францевна, прошу вас, как только может умолять женщина, позволить мне незамедлительно съехать с квартиры!

– Съезжайте, – безразлично согласилась Альтберг и вернулась к бумагам.

Ульяна Августовна подождала несколько секунд, ожидая продолжения. Шарлотта Францевна просмотрела несколько листов и разодрала один из них. Только по чрезмерному усердию, с которым она порвала бумаги на совсем уж крохотные клочки размером едва ли не с ноготь, можно было угадать, что в комнате кто-то есть и Альтберг немного играет, представляя делового человека, полностью погруженного в важную и тщательную работу.

– Однако, – откашлялась Ульяна Августовна, – позвольте, относительно средств. Комната оплачена за первую треть, до мая. Кроме того, задатковый платеж там некоторый...

– Ничем не могу, – отрезала Шарлотта Францевна.

– Голубушка, умоляю вас! Без этих средств решительно невозможно съехать. Новая комната, ломовые... Прошу вас!

– Коли вам затруднительно – оставайтесь. Съедете первого мая, по договоренности. Передадите комнату и прочее. Отчего нам терпеть убыток? Теперь скоро жильца не сыщешь. Не те времена. Что за нужда? Зачем спешка, коли вы недостаточны в средствах?

– Я не могу! Не могу остаться даже на одну ночь! Не могу!

– Отчего же?

Ульяна Августовна замерла в нерешительности, потом подошла почти вплотную и прошептала:

– Является.

– Что? – брезгливо и недоуменно сморщилась Шарлотта Францевна.

– Каждую ночь приходит. Говорит, говорит, говорит. Спрашивает: имела ли сердечную склонность, про супружество... Мальчик какой-то, невинное дитя... Пирог с визигой... А сквозь самого рукомоиник просвечивает. Ужас такой, пошевелиться невозможно. Умоляю вас, умоляю...

Из трех предполагаемых проявлений постжизни Свистулькина в 1801-м именно эпизод с Ульяной Августовной наихудшим образом отражен в источниках. За пределами лабзинского архива описание обнаружено только в письме Алевтины Федоровны Никишиной и рукописи мемуаров Ивана Дмитриевича Якушкина. При этом ни Никишина, ни Якушкин не сообщают

---

⁶ Доброе утро, дорогая хозяйшка! Что за чудесный день сегодня! (нем.)

источника сведений. Кроме того, письмо Никишиной и мемуары Якушкина написаны спустя десятилетия – в 1801 году они были детьми пяти и семи лет соответственно.

Лабзин оставил стенограмму бесед с Альтберг и Шпомер. Рассказ Шарлоты Францевны позволил достаточно подробно реконструировать встречу со Шпомер 15 марта. Сама же Ульяна Августовна в 1817-м неожиданно заявила, что выдумала историю с призраком, стараясь поскорее покинуть квартиру, где ее преследовали вполне естественные неприятные воспоминания. Отказ от откровенности в этой ключевой точке нашего интереса отчасти компенсирует подробный и проницательный рассказ о Свистулькине в месяцы их соседства. Именно благодаря Шпомер мы можем представить, каким человеком был Кузьма Степанович.

Близость письма Никишиной и мемуаров Якушкина, вплоть до дословных совпадений, заставляет предположить происхождение из общего источника – возможно, от Лабзина, передавшего сообщение Альтберг. Под сомнение эту версию ставит радикальное расхождение в описании итога беседы. Якушкин утверждает, что Шарлотта Францевна категорически отказалась от любых уступок, Никишина, напротив, пишет, что *«даже жестокое сердце черствой старухи не могло остаться безучастным к искреннему горю»*. Сама Альтберг туманно упомянула помощь и сочувствие – Ульяна Августовна сказала, что спустя пятнадцать лет это едва ли имеет значение.

Не так давно вышла замечательная работа петербургского ученого Петра Михайловича Крошкина – обобщение колоссального материала, исследование судеб людей, связанных со Свистулькиным, и отражение его истории в общественном сознании начала XIX века.

Александра Андреевича Аплечеева вскоре после убийства Павла отставили от должности обер-полицмейстера Петербурга с довольно комичной формулировкой: *«за допущение азартной карточной игры»*. С тем же успехом, принимая во внимание столичные нравы, можно было уволить за допущение дыхания воздухом.

Новый император, едва утвердившись на троне, начал избавляться от участников убийства отца. Нерешительный самодержец, как было у него заведено во всех начинаниях, довольствовался полумерами. Цареубийц не казнили, не ссылали на каторгу, не сажали в тюрьму, а просто отправляли куда подальше – с глаз долой.

Аплечеев к заговорщикам не принадлежал, но многими считался близким человеком Палена. Крошкин очень убедительно показал противоречивую обстановку и сложную борьбу, окружавшую второстепенные фигуры, чья причастность к цареубийству была неочевидна. Андрея Александровича отставили от должности в начале августа, а в октябре назначили губернатором Казани, что едва ли можно считать понижением. Служба на новом месте, как и на всех должностях, которые он занимал, была необыкновенно деятельной, хотя, к сожалению, и короткой. Десятого августа следующего, 1802 года Андрей Александрович скончался после недолгой болезни в возрасте тридцати четырех лет.

Уходя немного в сторону и восстанавливая справедливость, отметим, что после графа Палена губернатором стал будущий победитель Наполеона Михаил Илларионович Кутузов, которому еще предстоит вновь появиться и сыграть важнейшую роль в нашем повествовании. Под его управлением, по единодушному мнению современников, в столице пышным цветом расцвели азартные игры и дуэли, шайки бандитов терроризировали город, прохожих грабили буквально среди бела дня. Думается, немалую роль в неудачах Кутузова сыграло отсутствие дельного, знающего и энергичного обер-полицмейстера, каким был Андрей Александрович.

Крошкин провел скрупулезную работу по анализу свидетельств об Аплечееве и Свистулькине, которые разделил на две большие группы. Первая либо прямо ссылается на рассказ Екатерины Александровны, либо очевидно на него опирается. Вторая непосредственно на слова самого Андрея Александровича. Крошкин очень убедительно показал обстоятельство, ясное, конечно, и до того, но впервые вскрытое с такой математической точностью. Все свидетельства, ссылающиеся на самого Аплечеева, за исключением двух, служат введением к рас-

сказу о событиях 1812 года, то есть заведомо появились существенно позже и уже в силу этого вызывают сомнения.

Письмо Рыжикова подробно разобрано выше. Второе исключение – известное письмо Александра Петровича Павлова – и прежде считалось сомнительным: текст существенно противоречит достоверно установленным фактам и, больше того, даже самому себе. Несмотря на это, ряд серьезных исследователей (Колчин, Синицын, Блантхольд и другие) опирались на письмо как на вполне надежный источник. Грустно сказать, но тут, по всей видимости, гипнотическое воздействие великосветского лоска Павлова, его боевых подвигов и героической гибели.

Крошкин убедительно показал, что описываемая петербургская встреча Аплечеева и Павлова просто не могла состояться. Согласно документальным источникам Павлов почти весь 1801 год провел за границей – к его возвращению и поступлению в полк Аплечеев уже больше месяца находился в Казани.

Статский советник Альтберг скончался в 1811-м, Шарлотта Францевна (Марья Петровна) пережила его почти на двадцать лет и умерла в 1830-м, перевалив за восемьдесят.

Крошкин отыскал в приходских книгах лютеранской церкви Святой Екатерины запись 1819 года о кончине девицы Ульрики Шпомер пятидесяти двух лет. Идентичность возраста, фамилии, девичьего состояния, схожесть имени, кажется, исключают совпадение почти безусловно, но одновременно рожают новую загадку. Каким образом могла Ульяна Шпомер, крещенная в православии, вернуться к конфессии предков? Такой поступок в Российской империи считался уголовным преступлением – совращением из православия – и карался десятилетней каторгой.

Прохора Степанова 14 марта 1801-го перевели унтер-офицером в Каргопольский драгунский полк – без всяких сомнений, удалили подальше от возможного скандала. Седьмого февраля 1807-го, в первый день битвы при Прейсиш-Эйлау, вахмистр Степанов получил тяжелое ранение, от которого 10 февраля скончался. Больше мы почти ничего не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем: нижние чины той эпохи писем не писали и мемуаров не оставили.

Крошкин дал широкое полотно обсуждения Свистулькина: он обобщил богатый, зачастую совершенно фольклорный материал, на основании которого сделал несколько любопытных и едва ли оспоримых наблюдений.

Прежде всего, Свистулькин – предмет разговоров почти исключительно высшего общества. Это характерно именно для первых лет: после войны 1812 года, когда интерес расцветет заново, он станет гораздо более демократическим. Тяга аристократии к чудесному даже отражена Л. Н. Толстым на страницах «Войны и мира». В самом начале романа на вечере у Анны Павловны Шерер французский эмигрант виконт Мортемар собирается рассказать любопытную историю или, как тогда говорили, анекдот о Наполеоне и герцоге Энгиенском, чья казнь в Париже весной 1804-го наделала в Европе много шума и имела большие внешнеполитические последствия.

Прежде чем виконт начинает, Ипполит Курагин неожиданно и необъяснимо спрашивает, не о привидениях ли эта история.

«Вовсе нет», – пожимая плечами, сказал удивленный рассказчик.

«Дело в том, что я терпеть не могу историй о привидениях», – сказал он таким тоном, что видно было, – он сказал эти слова, а потом уже понял, что они значили».

В этом эпизоде Толстой мастерски раскрывает придурковатый характер своего почти слабоумного героя, а заодно отражает глубокий интерес высшего общества к привидениям, порожденный Свистулькиным.

Разговоры о призраке императора Павла совершенно отсутствовали изначально – они появляются и постепенно набирают силу ближе к Отечественной войне 1812 года. Одновременно слабеет интерес к Свистулькину, словно общая сумма внимания к привидениям оста-

ется во времени неизменной. Вполне естественно, что в качестве персонажа занятой истории, в которую немногие верили до конца серьезно, покойный император куда привлекательней безродного капитана.

Три проявления постжизни Свистулькина освещены совершенно неравномерно. У нас нет ни одного свидетельства по Шпомер до 1812-го и только два после. По Аплечееву источников во много раз больше, а Верескин на порядок перекрывает Аплечеева. Также как с призраком Павла, дело тут в привлекательности и драматизме материала. История про привидение, которое довело грешного гвардейского офицера до самоубийства, куда интересней, чем о том, как оно бесплодно докучало действительному статскому советнику или тем более старой деве.

Говоря об источниках наших знаний, следует добавить несколько слов о следственном деле убийства самого Свистулькина. Вокруг этого утраченного документа строится невероятное количество спекуляций и безосновательных домыслов в псевдонаучных и популярных публикациях, печатных и сетевых, даже в документальных фильмах и телевизионных программах ведущих каналов.

Прежде всего, нельзя исключать, что следственное дело по сей день хранится в каком-нибудь из архивов с неточным описанием и просто еще не попало на глаза никому из ученых.

Затем, за двести лет временами весьма бурной истории утеря части документов вполне естественна и не требует для объяснения громоздкой конспирологии. Игорь Петрович Колчин, больше других занимавшийся поиском следственного дела, полагает, что оно, вероятнее всего, сгорело во время пожара 1941 года, вызванного попаданием немецкой зажигательной бомбы в здание Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИАМ), ныне Госархив России.

Наконец, следственное дело сохранилось в копии, снятой для Лабзина и ставшей частью его архива. Материалы опубликованы более двадцати лет назад, в цифровом виде размещены в интернете и легко доступны любому желающему. Весьма ценный источник, благодаря которому известны, например, показания Васи Белкина. Из них вполне очевидно, что Аплечеев мог довольно легко отыскать убийцу: не так уж много было в столице кавалергардских и конногвардейских офицеров, а уж после самоубийства Верескина разгадка стала полностью очевидной. Однако добросовестный и энергичный обер-полицмейстер никогда не возлагал обвинения на Верескина – преступление официально осталось нераскрытым. Подобное решение является очевидно политическим, наилучшими возможностями и бесспорной мотивацией для которого обладал непосредственный начальник Аплечеева, а заодно ведущий организатор царевубийства – граф Пален.

V

История Свистулькина, неплохо известная уже сто лет назад, по сей день оставалась бы предметом узкого интереса, культурным феноменом и образцом городского фольклора, если бы не научный прорыв, один из самых поразительных за всю историю человечества. К сожалению, широкая публика знакома с существованием спиритической физики почти исключительно со слов шарлатанов и невежественных журналистов. Подлинная история, возможности и методы новой науки остаются прискорбно малоизвестными, что особенно печально в России, где произошел этот впечатляющий прорыв в будущее, ведь наша страна, увы, в последние десятилетия не может похвалиться изобилием научных достижений. Впрочем, события подобного масштаба вообще случаются нечасто, в новейшее время их можно сравнить разве что с революцией физики времен Кюри, Резерфорда, Эйнштейна, Планка, Бора.

В конце восьмидесятых годов двадцатого века гибнущий Советский Союз накрыло цунами мистики в самой дикой и вульгарной форме, какую только можно представить. Развитие науки иногда движется по пути парадокса: именно возмущение вакханалией шарлатанов породило сперва научный оккультизм, а затем и спиритическую физику. Группа ученых во главе с Олегом Витальевичем Богдановичем решила доказать абсурдность повального увлечения, походившего на коллективное помешательство.

В наше время наивный энтузиазм физиков кажется поразительным: теперь едва ли кому-нибудь придет в голову всерьез рассчитывать победить суеверие и невежество добросовестным научным исследованием. Как кажется, причина романтического заблуждения – привычка советского человека жить в очень специфическом медийном пространстве, где информация не товар, а инструмент. Советская газета врала гражданину в практических целях промывания мозгов. Желание нравиться аудитории тоже, конечно, присутствовало, но было зажато между политической целесообразностью и строгими этическими нормами, навязанными административно. Стремительное наступление капитализма не успело переменить представлений об устройстве вещей, еще не стало очевидно, что любое мировоззрение, самое абсурдное и антинаучное мракобесие при наличии спроса будут широко распространяться и пропагандироваться, причем именно настолько широко, насколько значителен спрос. В экономике частной инициативы востребованный товар с несравненной легкостью преодолевает запреты криминального законодательства и политическую целесообразность, не говоря уже об этике и приличиях.

Достаточно самого общего понимания мотивации будущих первооткрывателей, чтобы увидеть абсурдность попыток современных публицистов сделать их наследниками каких-нибудь масонов и тамплиеров или – версия не менее распространенная и почти столь же нелепая – похитителями зловещих тайн секретных лабораторий советских спецслужб.

Создатели спиритической физики не имели доступа к результатам многочисленных предшественников, занимавшихся паранормальными явлениями, а получив – не особо бы заинтересовались. У них не было и тени сомнения в негативном исходе своей работы – по сути, это было шуткой, оформленной с академической добросовестностью.

Огромная удача, что люди, взявшиеся за разоблачение шарлатанства, оказались настоящими учеными, готовыми принять любой результат эксперимента, даже прямо противоречащий их ожиданиям и убеждениям.

Так был открыт статистический феномен, получивший название парадокса Кулагиной⁷. Олег Витальевич Богданович в автобиографии с большим юмором описал общую растерян-

⁷ Кулагина Нинель Сергеевна (1926–1990) – позднесоветская аферистка, с помощью трюков имитировавшая сверхъестественные способности.

ность, охватившую их группу при столкновении с неведомым. Они, двигаясь почти вслепую, попытались воспроизвести условия эксперимента. Два месяца прошли безрезультатно, ученые один за другим отходили от работы, считая, что шутка затянулась, уже и самые упорные близки были к прекращению исследований, когда пришел новый успех. Еще одна коррекция условий эксперимента – и опять результат, на этот раз всего через неделю. Вскоре группе Богдановича удалось, пусть в очень грубом приближении, найти диапазон частот и напряженности электромагнитного поля, необходимый для спиритического контакта, и создать прототип первого спиритического шлема в истории человечества.

Открытие стало во многом случайным. Как теперь известно, для медиума силой восьмидесятых месмера⁸, что весьма существенно без обучения и тренировок по методикам, возникшим как продукт спиритической физики, вероятность войти в безаппаратурный контакт составляет примерно двенадцать тысячных процента. Кроме того, контакт еще необходимо выявить и зафиксировать, что тоже задача совсем не тривиальная. Из трех подходов, попеременно использовавшихся группой Богдановича, сработал именно тот, который изначально казался наименее перспективным. Более того, относись они серьезней к своей работе, допускай хоть тень возможности позитивного результата – едва ли ключевая методика вообще была бы испробована. Сам Богданович с присущей ему иронией вспоминал в мемуарах:

«Самое сверхъестественное и необъяснимое явление, с которым сталкивала меня жизнь, – та поразительная, невиданная, фантастическая удача, что выпала нам той осенью. Предпринималось несколько попыток, конечно, в основном шуточных, подсчитать вероятность нашего открытия. Сложность расчета многообразных и не всегда поддающихся статистическому учету показателей приводила к разбросу результатов более чем на порядок, однако самая умеренная оценка давала шансы, примерно соответствующие джекпоту в большой национальной лотерее».

На наш взгляд, еще большее чудо – научная самоотверженность первопроходцев спиритической физики. На протяжении нескольких лет работы велись на голом энтузиазме. С начала девяностых в России практически прекратилось финансирование фундаментальных научных исследований, даже вполне традиционных, а о такой сомнительной на первый взгляд дисциплине, как спиритическая физика, нечего было и думать. Зарубежное признание тоже пришло очень нескоро, что вполне естественно. Можно поставить себя на место редактора рецензируемого журнала по физике, которому поступает статья о призраках и духах, да еще из гибнущей России, где развал и анархия. При таких вводных затруднительно испытать желание разобраться, насколько безукоризненно поставлен эксперимент и точны математические выкладки. Провалилась даже попытка привлечь общественное внимание: очень скоро подлинных ученых обошли шарлатаны, которые без труда и стеснения рисовали картину невероятных достижений и необозримых перспектив.

Спиритическая физика оказалась сомнительной для серьезной науки и слишком скучной для широкого интереса прессы. Публика предпочла чудеса попроще – без сомнений и недосказанностей.

Богданович и его группа, которую под грузом постсоветской неустроенности и бедности покидали ученые за ученых, не стояли на месте. В те годы заложен фундамент теории спиритической физики. Многие впоследствии переработали, уточнили и даже отвергли, но все же прозорливость ученых при такой скудности экспериментального материала просто поражает. Именно тогда выдвинуты постулаты Богдановича и предложено использовать преобразования Лоренца для полей некротических энергий (преобразования Булдакова).

Мощный толчок развитию новой научной дисциплины придал изгиб всего одной человеческой судьбы, очень характерный для девяностых годов бывшего СССР и едва ли предста-

⁸ В честь известного шарлатана конца восемнадцатого – начала XIX века, дедушки донаучного спиритизма

вимый в другом времени и месте. Владимир Маркович Дурнов участвовал в работах с самых первых дней, одновременно удачно занимаясь зарождающимся предпринимательством. Постепенно он отошел от научной работы, и всего за несколько лет физик-теоретик превратился в крупного бизнесмена с широчайшим кругом деловых интересов – от банковского дела до оптовой торговли нефтепродуктами. На его средства создавалась первая в истории человечества лаборатория спиритической физики, из которой впоследствии вырос НИИНОСФ. Судьба этого одаренного человека отразила тогдашнее сложное время. Дурнова считали тесно связанным с криминальным миром, а в прессе часто называли банкиром «тамбовцев»⁹.

В 1997-м по Петербургу прокатилась очередная волна заказных убийств, организатором которых правоохранители посчитали именно Дурнова. Он начал скрываться и в конце декабря 1998-го был арестован в Шереметьево при попытке вылететь на Кипр по подложному паспорту. В середине января Дурнова перевели в петербургский следственный изолятор, а еще через несколько дней нашли повешенным в одиночной камере. Конечно, подобная смерть вызвала серьезные подозрения, в том числе и у его друзей физиков-спиритологов. Трудно было поверить в самоубийство такого сильного, полного жизни человека. Лаборатории удалось спиритический контакт с Дурновым, в котором были названы непосредственные убийцы и предполагаемые заказчики. Последовавшую эпопею сложно описать в нескольких словах: следствие и суд тянулись почти восемь лет, прежде чем наказание настигло преступников – по крайней мере, некоторых из еще остававшихся в живых. Действовало множество факторов и интересов, к тому же динамично менявшихся во времени. Заказчики убийства обладали немалым влиянием, у правоохранительных органов вызывали, разумеется, огромные сомнения данные спиритического контакта, на правосудие давили враги преступников. Про сложные перипетии этого дела немало написано и даже снят довольно поверхностный сериал «Дело Дурнова».

Впервые в истории данные научного оккультизма использовались в криминалистике, что поставило сложнейшую юридическую, да и этическую проблему, по сей день до конца не решенную. Саму возможность получения сведений от умерших в наше время уже невозможно ставить под сомнение, но противоречивость полученных результатов, споры о методах их расшифровки и интерпретации оставляют пока проблему использования данных научного оккультизма правосудием без единого решения. В разных странах подход различается кардинально. В Нидерландах, Норвегии и Швеции спиритические контакты приравниваются к показаниям свидетелей, в ряде других стран, в том числе в России и некоторых штатах США, принимаются к сведению, но не могут считаться доказательством. В Саудовской Аравии попытка использовать данные спиритического контакта в суде привела к возбуждению дела о колдовстве против адвоката.

Спиритический контакт остается сложнейшим техническим мероприятием, в котором успех не гарантирует даже самая образцовая подготовка. Наиболее совершенные стенды последнего поколения, которые по-прежнему называют шлемами, хотя теперь оборудование занимает целые здания, под управлением сильнейших операторов достигают успеха лишь в каждом четвертом случае.

Вопреки распространенному заблуждению, в научном оккультизме полностью отсутствуют полутемные комнаты, круглые столы и приглушенное бормотание. Спиритические контакты напрочь лишены мистической таинственности, хотя и очень сложны, требуют слаженной работы оператора, технического персонала, команды экспертов и оккультиста, который ведет синхронную расшифровку результатов и, как правило, определяет развитие сеанса. Эксперты подбираются в зависимости от специфики контакта, чаще всего историки, лингвисты, юристы.

---

⁹ Тамбовское преступное сообщество – крупнейшее в организованной преступности Санкт-Петербурга конца восьмидесятых – девяностых годов.

Результаты спиритических контактов – вовсе не ясный и точный текст, как зачастую считают. Оператор получает набор сигналов и передает их спиритологу – субъективность этого процесса уже может вызвать искажения. Однако и убежденность в абсолютной ненадежности научного оккультизма столь же несправедлива.

В самом деле, ранние результаты в дальнейшем часто корректировались и даже полностью пересматривались. В те немного наивные времена контакт устанавливали и поддерживали в одиночку: оператор выполнял работу, которую теперь делают не меньше чем вдвоем-втроем, а как правило, куда более многочисленной командой. Оборудование было намного менее совершенным и надежным, по сути дела, кустарного производства, причем оператор выполнял и часть чисто технической работы по настройке и ремонту, для чего требовались самые обширные знания и мощный творческий подход.

Конечно, в подобных условиях ошибки неизбежно случались даже у таких экстремально одаренных людей, как Олег Витальевич Богданович. И все же «часто корректировались и нередко пересматривались» вовсе не означает «всегда корректировались и пересматривались». Огромное большинство результатов остаются в научном обороте в неизменном или близком к первоначальному состоянии.

Историческая наука на самом раннем этапе столкнулась с печальной невозможностью вступать в спиритический контакт с крупнейшими фигурами прошлого. Точного ответа, почему так происходит, у нас нет – лишь практический опыт неудачных попыток и веское, но бездоказательное предположение, лишенное какого-либо теоретического обоснования. Весь опыт спиритических контактов указывает на неповторяемость: контакт может продолжаться несколько сеансов, в отдельных случаях до десятка, но, однажды прервавшись, не возобновляется уже никогда. Подобные контакты называют отработанными. Предполагается, что со всеми крупными историческими личностями контакты отработали в одной из многочисленных попыток эпохи донаучного спиритизма.

В 2009-м недавно открытый Манчестерский центр вызвал настоящую сенсацию (по большей части, правда, в прессе), заявив о спиритическом контакте с Анной Болейн¹⁰. В научной среде результат приняли скептически, методы исследования подверглись жесткой критике. Впоследствии и сами британские ученые признали низкую достоверность первоначальной атрибуции контакта. Сейчас достоверно установленным считается только то, что субъектом стала знатная дама эпохи Тюдоров, однако бесчисленные спекулянты от спиритической физики продолжают ссылаться на прецедент с Анной Болейн как на бесспорный факт.

В изучении постжизни научный оккультизм активно использовался и используется с естественным приоритетом перед другими дисциплинами. Физики-спиритологи и оккультиологи вместе учились, работают в одних исследовательских центрах. Само выделение оккультизма в отдельное прикладное направление произошло относительно недавно и не до конца. Некоторые ученые и теперь вполне успешно совмещают работу в теоретической физике и оккультиологии.

К сожалению, спиритические контакты дали не слишком обильный материал для изучения событий 1801 года. Из общепризнанно атрибутированных можно отметить поручика Семеновского полка Савельева, который встретил Свистулькина при попытке попасть в Михайловский замок. Информация, полученная от него, обогатила наши представления об убийстве Павла I, но относительно Свистулькина в основном повторила и без того известное, добавив лишь несколько второстепенных деталей.

Удался, как предполагается, контакт с Владимиром Ивановичем Филатьевым, в 1801-м корнетом Конногвардейского полка и соседом Верескина по дому. К сожалению, его сообщения также не дали почти ничего нового. Вдобавок спиритический контакт осуществлялся

¹⁰ Анна Болейн – вторая супруга английского короля Генриха VIII, правившего в первой половине XVI века.

в 1996-м и, как многие исследования того периода, находится в области дискуссии относительно корректности дешифровки и даже атрибуции. В любом случае, действительно интересное Филатьев рассказал о земском ополчении времен Отечественной войны 1812 года и работе Правительствующего сената в царствование Николая I – предметах, далеких от нашей темы.

Конечно, основное внимание Свистулькину обеспечивают интересы физики постжизни. Из обнаруженных современной наукой проявлений феноменов постжизни от четверти до трети связаны именно со Свистулькиным. Указать долю точнее мешает спорность отдельных проявлений: часть из них не общепринято признается, другие имеют дискуссионную атрибуцию, кроме того, относительно Зимнего дворца, единственной известной на сегодняшний день серийной локации, не умолкает горячая и, как кажется, бесконечная дискуссия: сколько же раз проявлялся там феномен Свистулькина и точно ли всегда Свистулькина.

Сам феномен постжизни теоретически предсказан в 1995 году Богдановичем. К сожалению, как обычно и бывает, любое популярное описание тут не может быть точным. В человеческом бытовом опыте просто не существует аналогов, на которые можно было бы сослаться: единственный доступный здесь путь познания – высшая математика, а дифференциальное исчисление едва ли возможно адекватно передать житейским словарем. Следует добавить, что понимание процессов постжизни, совпадая в фундаменте, сильно отличается у разных научных школ.

В преобладающем большинстве современные представления по-прежнему опираются на капельную теорию Богдановича, согласно которой, предельно упрощая, феномен постжизни – это экзоэнергетическая реакция, возникающая при переходе напряженности некротического поля через барьер Булдакова; при этом в отличие от спиритических феноменов постжизнь может восприниматься наблюдателем непосредственно.

К большой удаче исследователей, физическая природа феномена постжизни оставляет след, который может быть обнаружен методами объективного контроля. Речь идет, конечно, о знаменитом радиопоствитальном или сокращенно РПВ-анализе. Сам термин известен сейчас, наверное, каждому, но увы, небрежное обращение прессы с научными фактами, массовое паразитирование шарлатанов сформировали широко распространенные заблуждения, можно сказать, целую мифологию.

Общим местом стало представление, будто несчастья, преследующие, по преданию, каждого, кто осмелится поселиться в доме с призраками, не что иное, как форма лучевой болезни. Тотальная ложность этого мнения соперничает с его распространенностью.

Радиоактивное излучение при проявлениях феномена постжизни крайне незначительно. Для потенциального вреда здоровью необходимо непосредственно присутствовать на расстоянии нескольких метров при проявлении максимально возможной теоретически интенсивности на протяжении двух суток. Обычная же длительность, как правило, не превышает нескольких минут. По существующим расчетам, хотя и очень неточным, ни одно известное проявление (за единственным исключением) не достигало даже десятой части возможного максимума. Интенсивность знаменитого проявления 1942 года оценивают в восемь–девять десятых от возможного, но оно длилось всего три-четыре минуты. Вторичное же излучение в локациях феноменов, даже замкнутых, и близко не подходит к предельно допустимым значениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.